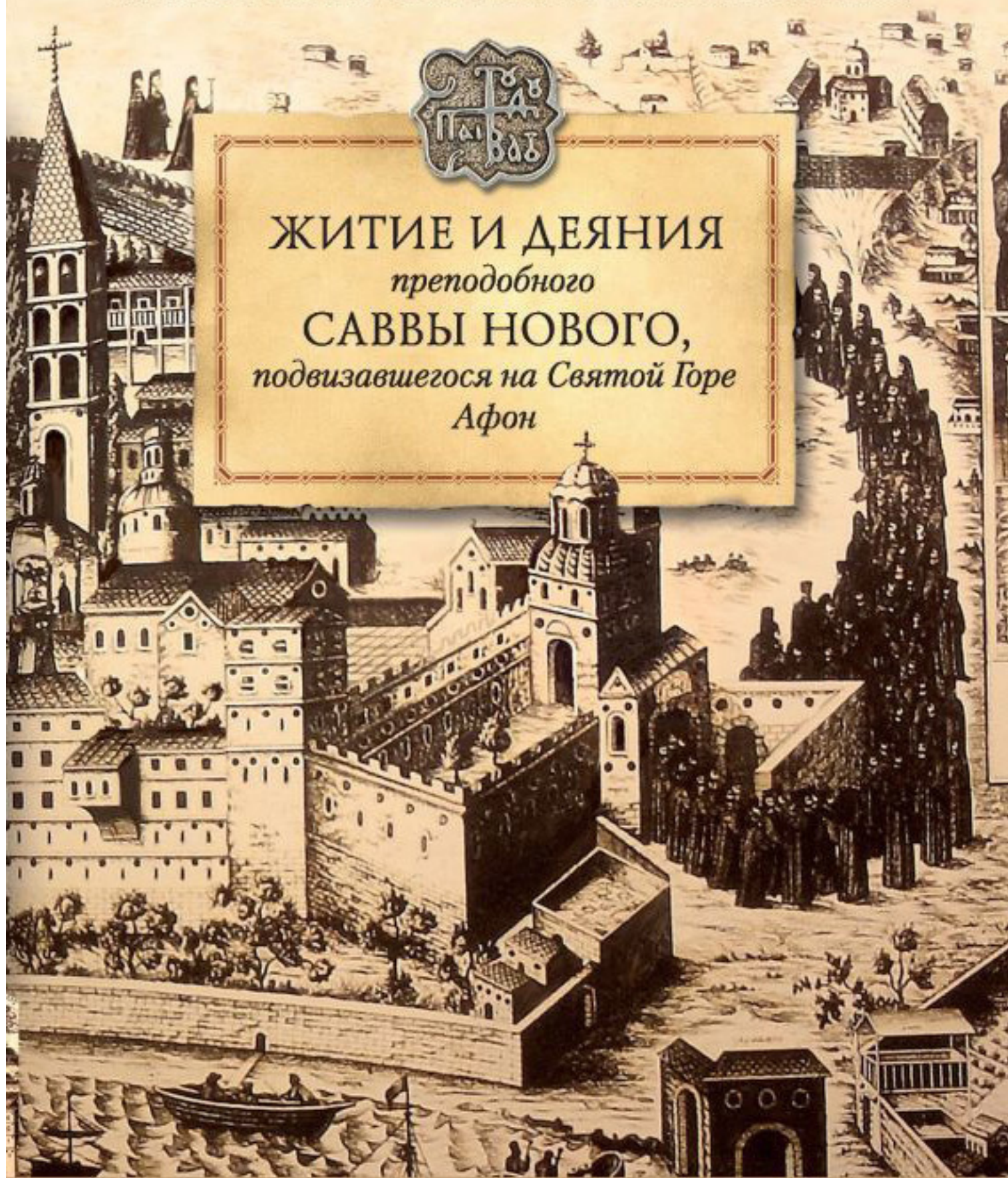

СВЯТИТЕЛЬ ФИЛОФЕЙ КОККИН, ПАТРИАРХ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ

ЖИТИЕ И ДЕЯНИЯ
преподобного
САВВЫ НОВОГО,
подвизавшегося на Святой Горе
Афон

Святитель Филофей Коккин

**Житие и деяния преподобного
Саввы Нового, Ватопедского,
подвизавшегося на
Святой Горе Афон**

«Сибирская Благовонница»

УДК 22.011+281.1
ББК 86.372

Коккин С.

Житие и деяния преподобного Саввы Нового, Ватопедского, подвизавшегося на Святой Горе Афон / С. Коккин — «Сибирская Благовонница»,

ISBN 978-5-906853-88-2

Святитель Филофей Коккин, Константинопольский патриарх XIV века (1354–1355 и 1362–1376 гг.), известен нам тем, что он благословил прп. Сергия Радонежского на игуменство в созданной им Троице-Сергиевой Лавре и стал автором жития свт. Григория Паламы. Данное же издание приводит повествование свт. Филофея об удивительной жизни, подвигах и добродетелях канонизированного в Греческой Церкви прп. Саввы Нового, или Ватопедского, — святого, жившего в XIII–XIV веках и подвизавшегося в различных святых местах Византии, и прежде всего на Святой Горе Афон. Это житие святого является яркой страницей поздневизантийской святости, вызывающей в нынешний год 1000-летия Русского Афона у наших соотечественников повышенный интерес к непреходящему духовному наследию Святой Горы.

УДК 22.011+281.1
ББК 86.372

ISBN 978-5-906853-88-2

© Коккин С.
© Сибирская Благовонница

Содержание

Предисловие	6
Введение	8
Писатель	8
Состояние Византийской империи в XIV столетии	11
Исихастский аскетизм или исихия (безмолвие)	15
Ватопедский монастырь	20
Списки и издания жития преподобного Саввы	23
Житие и деяния преподобного Саввы Нового, Ватопедского, подвизавшегося на Святой Горе Афон	24
1	27
2	28
3	31
4	32
5	34
6	35
7	36
8	38
9	39
10	40
11	41
12	43
13	44
14	46
15	48
16	49
17	50
18	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Святитель Филофей Коккин, Константинопольский патриарх Житие и деяния преподобного Саввы Нового, Ватопедского, подвизавшегося на Святой Горе Афон

*Трепетной и слабою рукою подношу тебе, золотой и незабвенный
Афон, скромный труд мой. Прими его и моли, да призрит на меня твоя
Царица и Покровительница.
П.Р.*

*Рекомендовано к публикации
Издательским советом
Русской Православной Церкви
ИС Р16-639-3539*

Публикуется по: *Кир Филофей Константинопольский патриарх. Житие и деяния преподобного и богоносного отца нашего Саввы Нового, на Афонской Горе подвизавшегося / Перевод с греческого с введением и примечаниями преподавателя Полтавской Духовной Семинарии свящ. Полнена Радченко. Издание Афонского Русского Пантелеймонова монастыря. М., 1915.*

Перевод с греческого с введением и примечаниями священника Полиена Радченко

Предисловие

Предлагаемое благосклонному и благочестивому вниманию читателей в нашем переводе произведение святейшего Константинопольского патриарха Филофея «Житие и деяния преподобного и богоносного отца нашего Саввы Нового, на Афонской горе подвизавшегося»¹ помимо своего исторического и бытового значения показалось нам вообще в высокой степени интересным и назидательным, а также небесполезным ввиду особенностей переживаемого нами времени. Жизнь прп. Саввы весьма богата событиями и протекла в самой разнообразной обстановке. Читая его житие, мы то погружаемся в таинственные пустыни средневекового Афона и знакомимся с его строгими старцами и дивными послушниками, то переносимся на шумные площади городов Кипра и наблюдаем своеобразное «благочестие» тогдашних поработителей его – латинян (§ 23). Отсюда путешествуем в Иерусалим, странствуем по знойной Аравийской пустыне и посещаем знаменитый подвижнической жизнью своих иноков Синайский монастырь. Потом буквально обитаем вместе с дикими зверями в страшной Заиорданской пустыне. Далее – идиллическая жизнь в прииорданских обителях, Дамаск, Антиохия, Крит, Афины, Ираклия, богатая святынями Византия с благочестием и строгим религиозным консерватизмом ее жителей. Опять Афон, теперь уже с картинами внутреннего быта одной из его лавр, и, наконец, опять Константинополь. Перед глазами читателя проходят картины жестоких и губительных нашествий сицилийцев и турок, он видит бесчеловечность сарацин и ужасы византийской политической и церковной смуты. Все это нарисовано живо, мастерски, «с душой», и проникнуто религиозным духом.

Кроме того, в лице прп. Саввы мы видим духовного гиганта (§ 70), личность дивную и неподражаемую. В нем наблюдается редкое гармоническое сочетание и ума, и характера, и самых высоких добродетелей. Вся жизнь его проникнута самой пламенной, однако без фанатизма (§ 71), любовью к Богу и самой искренней, без тени слабодушия, любовью к людям (§ 63) и ко всей твари (§ 47). Знакомясь с его жизнью, ощущаешь в душе, как замечает и сам автор его жития, какое-то тихое и неизъяснимо отрадное состояние с желанием хоть немного подражать ему, что-то умиротворяющее проникает в душу и окрыляет ее к мужественному перенесению скорбей и неприятностей, чувствуется какая-то бодрость и жизнерадостность.

Не можем здесь не подчеркнуть значения жития св. Саввы и для нашего времени. Не так давно мы хотели совсем порвать с религией, найти счастье вне ее, но жестоко ошиблись: жизнь стала бесцельной, пошлой и несносной. Не совсем заглушенное религиозное чувство проснулось и с удвоенной силой стало требовать удовлетворения. Тогда мы бросились в

¹ Το# πρωτάτου πατρός #μών το# πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως κυροῦ Φιλόθεου Βίος και πολιτεία του οσίου και Β'εοφόρου πατρος ημών Σάβα το# Νέου το# #ν τ# #τω όρει ασκησαντος

другую крайность, ища правды в сектантстве². Оставив руководство Православной Церкви и потеряв понятие об истинной святости, мы стали увлекаться людьми, ничего святого в себе не имеющими, но из видов корысти, тщеславия и тысячи других нечистых побуждений (им же имя легион) только эксплуатирующими нас...

Житие св. Саввы весьма наглядно показывает пример истинной святости и указывает путь к достижению ее. Истинная святость – это полнота любви и веры в Бога с таинственным общением с Ним, как Существом Живым и Личным, с горячей, до самопожертвования, любовью к ближним и смиренным сознанием, без тени гордости, своего полного ничтожества. Путь к ней – строгое повиновение учению Православной Церкви и точное соблюдение своего долга без всякого послабления своим страстям. Путь этот труден и не скор. Сначала – обуздание тела и подавление страстей, потом приобретение духовных навыков и стяжание добродетелей, и только тогда Божественная благодать, ибо она там, где *любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание* (Гал. 5:22). Здесь никакие скачки не допускаются; рост духовной жизни совершается в высшей степени постепенно и последовательно. Телесные подвиги необходимы, хотя не сами по себе, а как орудия или средства для приобретения духовных добродетелей, а через них и даров Божественной благодати (§ 70). Путь к Богу, а вместе к истинной святости всегда был и навсегда останется, таким образом, один – вера и любовь к Богу с послушанием голосу Церкви, любовь к ближним и подвиг самоограничения своих эгоистических стремлений, самоотвержение, личная жертва... без тени притом корысти, рисовки, хвастовства, показности. Вот идеал, к которому всегда безотчетно стремились сердца лучших русских людей, который лег в основу характера русского человека, более того, стал краеугольным камнем той незримо, но ощутительно, так сказать, излучающейся культуры, носителем которой является главным образом русский народ и которая делает его морально, без преувеличения говоря, на целую голову выше других народов, усвоивших западную внешнюю и показную культуру. Кто насадил эту дивную культуру? «Она насаждалась в душе народной, под эгидой Церкви, странниками, юродивыми, безвестными отшельниками монастырей, насаждалась старой благочестивой книгой или устной легендой»³.

Да послужит и предлагаемое произведение богомудрого иерарха благим семенем на доброй почве русского сердца!

² Разумею главным образом штундизм, русский баптизм, адвентизм, толстовство и т. д.

³ Церковный Вестник. 1914. № 43. С. 1283.

Введение Священник Полиен Радченко

Писатель

Писателем жития при. Саввы Нового был, несомненно⁴, святейший патриарх Константинопольский Филофей Коккин. Родом он был, как видно из предлагаемого его произведения (§ 2), из г. Фессалоники, славившегося в то время «обилием наук и искусств» (§ 2). Получив хорошее по тому времени образование и будучи талантлив от природы, он слыл потом за человека очень умного и образованного. Оставив шум и молву мира (§ 57), он прибыл на Афон, славившийся тогда высокой подвижнической жизнью своих монахов⁵, и поступил в число иноков Ватопедской лавры, где вскоре занял первое место в обительском хоре (§ 57). Здесь он неожиданно встретил св. Савву, незадолго перед этим возвратившегося на Афон после долголетних подвигов на Востоке и несшего обязанности по церкви, а также участвовавшего в обительском хоре. Филофей с самого начала был обласкан им, как бы нежным отцом, и вошел с ним в самые близкие и дружеские отношения (§ 57). В течение трехлетнего пребывания св. Саввы в Ватопедской обители Филофей видел назидательный пример его высокой жизни, слышал его дивные наставления и руководился им в духовной жизни. Результатом такого руководства было то, что душа его окрепла, и он стал потом способен сражаться против коварной силы врага впереди других. Скоро, однако, Филофею пришлось разлучиться со своим руководителем и другом. Афонские иноки отправили св. Савву (в 1342 г.) в качестве члена посольства в Константинополь к царице Анне для увещания ее оставить междоусобную войну и примириться с Иоанном Кантакузином. Здесь св. Савва и скончался

⁴ Порфирий (Успенский), еп. История Афона: В 3 ч. Ч. III. Отд. втор. СПб., 1892. С. 254. См. также: Сергей (Спасский), архиеп. Полный месяцеслов Востока. Т. 2. М., 1876. С. 538.

⁵ Παπαμιχαήλ Γ. Ὁ Ἅγιος Γρηγόριος ὁ Παλαμάς Πετρούπολις; #Αλεξάνδρεια. 1911. Σ. 5. См. также: Порфирий (Успенский), еп. История Афона. Ч. III. Отд. втор. С. 211.

(в 1349 г.), а Филофей впоследствии сделался митрополитом Ираклийским, а потом, после отказа патриарха Каллиста короновать сына Иоанна Кантакузина, Матфия, возведен был вместо него в 1354 году на кафедру Константинопольского патриарха⁶. После отречения от престола императора Иоанна Кантакузина и падения Матфия патриарх Филофей вынужден был в 1355 году оставить патриаршество. Боясь гнева нового императора Иоанна V Палеолога за приверженность к Кантакузинам, он удалился в монастырь, и патриарший престол опять занял патриарх Каллист. По смерти последнего, в 1362 году, Филофей самим Иоанном V призывается опять к патриаршеству, пользуется его расположением и управляет Константинопольской церковью до 1376 года. В этом году сын императора Иоанна V Андроник при содействии турок вторгся в Константинополь и, заключив отца и брата (Мануила) в тюрьму, вступил на императорский престол. Патриарх Филофей опять вынужден был, и уже навсегда, оставить патриаршество. Кончина его последовала⁷ в 1379 году.

Судя по отзывам современников, а также по дошедшим до нас его произведениям, патриарх Филофей был муж святой, весьма опытный в духовной жизни, очень ученый, красноречивый и мудро правивший Церковью. В долго волновавших византийское общество спорах паламитов и варлаамитов патриарх Филофей, подобно своему руководителю св. Савве, был всегда на стороне первых, защищал их устно и письменно, глубоко чтит св. Григория Паламу, которого причислил после его кончины к лику святых, составив ему и особую службу. На варлаамитов он старался подействовать преимущественно словом убеждения, почему и достиг довольно благоприятных результатов, в значительной степени умиротворив Константинопольскую Церковь. Из произведений патриарха Филофея известны: 1) 12 книг против Никифора Григоры в защиту св. Григория Паламы⁸; 2) Похвальное слово тому же святителю⁹; 3) Слова на Воздвижение Животворящего Креста¹⁰; 4) О заповедях

Христа¹¹; 5) Похвала трем святителям¹²; 6) три речи к епископу Игнатию с объяснением приточных слов¹³ *Премудрость созда Себе дом* (Притч. 9:1); 7) несколько канонов, церковных молитв и других мелких произведений, а также: 8) «Житие¹⁴ и деяния преподобного и богоносного отца нашего Саввы Нового, на Афонской горе подвизавшегося»¹⁵. Последнее написано им, вероятно, между 1369–1375 годами¹⁶. Побуждением к написанию этого произведения послужила главным образом горячая любовь к при. Савве, а также желание побудить и других подражать его делам и следовать его учению, так как жизнь его была необычайным училищем добродетели (§ 1). Ближайшей побудительной причиной к этому послужило особое явление прп. Саввы, не оставлявшего своим руководством патриарха Филофея и после

⁶ В это первое патриаршество свое патриарх Филофей посвятил, между прочим, знаменитого русского иерарха свт. Алексия, митрополита Московского (в 1354 г.). Другому великому подвижнику русскому, при. Сергию Радонежскому, патриарх Филофей прислал крест, параманд, схиму и послание с советом устроить общежитие в обители.

⁷ В библиотеке Св. – Павловского монастыря на Афоне находится служба и житие его в рукописях: Афонский Патерик. Ч. II. М., 1897. С. 461. См. также: Catalogue... by Lambros. № 26. С. 153.

⁸ PG. Т. 151 (см. у проф. А. И. Лебедева: Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века).

⁹ PG. Т. 151.

¹⁰ Ibid.

¹¹ PG. Т. 151.

¹² Ibid.

¹³ Издано еп. Арсением (Кирилловским). Новгород, 1898.

¹⁴ *Ανάλεκτα Τερροσολυμιτικής Σταχυολογίας*. Т. V. Σ. 190–359. #v Πετρούπολει.

¹⁵ Кроме того, ему же принадлежат «Жития двух вселенских патриархов XIV в., свв. Афанасия I и Исидора I», изданные А. Пападопуло-Керамевсом в 1905 г. Далее жития св. вмч. Димитрия, свт. Григория Паламы, прими. Анисия, св. Февронии, сщмч. Фоки и Германа Святогорца (PG. Т. CXVI, CLI, CL, CLIV); К. *Υριανταφιλλίδοι. Συλλογὴ ἑλληνικῶν ἀνεκδότων. Βενετία* (см.: Афонский Патерик. Ч. II. М., 1897 С. 461).

¹⁶ См.: *Πορφύριος (Успенский), еп.* История Афона. III. Отд. втор. С. 254.

своей кончины и часто посещавшего его в ночных видениях (§ 43). Еще при жизни любивший его Слова и рассуждения и нередко дававший темы для них (§ 1), прп. Савва побудил его и после своей смерти предпринять нелегкий труд написания его жития (§ 43). Всецело его помощи приписывает смиренный и благоговейный автор и успех в этом деле. «Более того, этот рассказ, – говорит он, – дело твоей (Саввы) дивной души и языка, а мы разве одну только нашу руку по нужде в помощь предоставили»¹⁷ (§ 43).

¹⁷ О патриархе Филофее можно читать у византийских историков Иоанна Кантакузина и Никифора Григоры, у Крумбаха (Geschichte der byzantinischen Litteratur. Munchen. S. 107–108), проф. А. П. Лебедева «Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века», ей. Арсения «Три речи к епископу Игнатию с объяснением изречения Притчей: *Премудрость созда Себе дом* (Притч. 9:1)» (Новгород, 1898).

Состояние Византийской империи в XIV столетии

Состояние Византийской империи в рассматриваемое время представляется в очень печальном виде. Ослабленная еще задолго до этого отпадением входивших в ее состав областей и народов и потрясенная крестоносцами, она явно близилась к своему концу, и все усилия византийских императоров вернуть ей прежний блеск и могущество не имели успеха. Многие раньше отпавшие от Византии области продолжали сохранять свою независимость: в разных местах империи утвердились латиняне (например, на островах Кипре и Крите). Давнишняя борьба греков с болгарами и сербами, еще в конце XII столетия объединившимися в грозные для них государства, не прекращалась и теперь с большим уроном для Византии. В то же время малоазиатским владениям греков угрожали турки, начинавшие уже прочно здесь утверждаться и нередко вторгавшиеся даже в европейские их владения. Обращения византийских императоров за помощью на запад часто сопровождалось новыми бедствиями: западные войска, оставив прямую цель своего прибытия, бросались сами, иногда в союзе с турками, грабить и разорять греков.

Итак, частые нападения сербов и болгар и самостоятельные или в союзе с другими народами набеги турок представляют тяжелую картину бедственного положения Византии в рассматриваемое время. Об одном из таких набегов упоминается и в житии при. Саввы. Это произошло в царствование императора Андроника Младшего, в 1333 году¹⁸. Турки вторглись тогда в Македонию, Негропонт¹⁹ и Афины. Император, по злой судьбе, обратился к помощи папы Иоанна XXII и обещал соединение Церкви Греческой с Римской. Тогда в помощь ему были присланы из Сицилии итальянские войска. Нарушив условия, они стали грабить и разорять города и села Фракии, предавая мечу всякий пол и возраст, а потом соединились с турками и вторглись в Македонию, намереваясь двинуться потом в Фессалию. Император Андроник, весьма беспокоившийся об участии святых афонских подвижников, собственноручно писал им, чтобы они перешли на время в укрепленные монастыри и города. Тогда одни из них решили остаться на Афоне и умереть, а другие, узнав, что турки подошли уже к Фессалоникам (в 1334 г.), грабя и умерщвляя жителей, стали уходить в разные города, на острова и в горы. Другое бедствие того времени составляли частые междоусобия среди самих греков. Византийское общество в рассматриваемое время было крайне испорчено, начиная с высших классов и кончая простым народом. Кошунства, суеверия, разврат, клятвопреступления,

¹⁸ Порфирий (Успенский), *еп.* История Афона. Ч. III. Отд. втор. С. 173 (*Muralt E. Essai de chronographie byzantine. T. II. P. 557*).

¹⁹ Негропонт, Негропонте (итал. *Signoria di Negroponte*; букв.: Черный Мост) – средневековое государство крестоносцев, занимавшее остров Эвбея в Эгейском море, возникшее по итогам четвертого Крестового похода. Несмотря на постоянные конфликты с соседями и небольшой размер, просуществовало 265 лет (с 1204 по 1470 г.). – *Ред.*

интриги, козни, постоянные возмущения и революции являются характерной его чертой. Уважение к властям было подорвано, привязанность к родине охладела. Во время нередких политических переворотов «страсти достигали высшего напряжения»²⁰, греки забывали все родственное и святое, причем часто участниками междоусобий были и духовные лица.

Одно из сильнейших междоусобий, о котором упоминается и в житии при. Саввы, произошло после смерти императора Андроника Младшего (f 1341). По причине малолетства наследника престола Иоанна V государством стала управлять его мать Анна с родственником и другом покойного императора, великим domestikом Иоанном Кантакузином. Вскоре, однако, вокруг царицы образовалась партия, враждебная Кантакузину, в числе вождей которой находился и Константинопольский патриарх Иоанн

Калека, желавший, по суетному тщеславию, стоять во главе правления государством. Кантакузин был отстранен от дел и объявлен изменником. Тогда он возложил на себя знаки царского достоинства и объявил себя императором (1341 г.). Началась междоусобная война, сопровождавшаяся страшными бедствиями для империи, так как противники, не довольствуясь своими силами, призывали на помощь болгар, сербов и малоазийских турок. Эта междоусобная борьба нанесла такие раны империи, от которых она уже не могла оправиться²¹. В 1342 году Иоанн Кантакузин, после неоднократных и безрезультатных переговоров с царицей о мире, послал письмо к афонскому проту²² Исааку и святогорским монахам с просьбой отправиться в Константинополь и уговорить царицу прекратить «ежедневное пролитие христианской крови», не верить клеветам, распускаемым его врагами, и примириться с ним. Афонские иноки горячо отозвались на просьбу Кантакузина и, избрав посольство из достойнейших представителей святогорского иночества (а именно святейшего и достопочтеннейшего прота Исаака, игумена лавры св. Афанасия, Макария, иеромонаха Каллиста, впоследствии (в 1350–1362 гг.) патриарха Константинопольского), посылают его в Константинополь. В числе первых членов этого посольства был и прп. Савва, хотя он предсказывал неудачу его и только из послушания принял участие в нем. Это было в 23-й день месяца Дистра, то есть 17 марта 1342 года²³,

в шестой месяц после начала междоусобия (§ 62). Прибыв в Константинополь, посланные выслушаны были царицей и ее сторонниками, но цели не достигли. Царица, правда, склонялась к миру, но патриарх и его приверженцы, опасаясь заслуженной ответственности за свои происки и козни против Кантакузина, отклонили ее от этого и, лицемерно похвалив афонских иноков за усердие, разместили их по разным местам, надавав несбыточных обещаний о мире. Между тем они тайно старались возбудить против афонцев народ, называя их сторонниками Кантакузина и недоброжелателями царских детей. Наконец игумена Макария они посылают митрополитом в Фессалоники, заставив его обвинять Кантакузина в междоусобии, прота Исаака заключают в монастырь Петра, а прп. Савву, «превосходившего других добродетелями и известнейшего из царских друзей»²⁴, помещают в обители, носившей название Хора (τ# Χ#ρ#), другим же велят возвратиться в свои монастыри. Таким образом, в Константинополе оказалось больше желавших брани, чем мира (§ 66), и к политической смуте скоро присоединилась и смута религиозная.

Еще в 1328 году прибыл в Солунь из Калабрии очень образованный монах униат Варлаам²⁵. Отрекшись от латинских заблуждений, он сначала выказал ревность по православию

²⁰ Лебедев А. П. Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до половины XV века. М., 1902. С. 92.

²¹ Арсений, еп. Летопись церковных событий и гражданских. СПб., 1899. С. 493.

²² Прот (греч.) – выборный глава всех монастырей Афона. – Ред.

²³ Порфирий (Успенский), еп. История Афона. Ч. III. Отд. втор. С. 176, примеч.

²⁴ Ἰωάννη Καντακουζηνός. Т. 2. Σ. 212–213 (примеч. П. Керамевса).

²⁵ Παπαμιχαήλ Γ. Ὁ Ἅγιος Γρηγόριος ὁ Παλαμάς Πετρούπολις; #Αλεξάνδρεια. 1911. Σ. 14, 17.

и пользовался расположением императора Андроника Младшего, но потом стал порицать византийских, в частности афонских, подвижников, обвиняя их в ереси, и возбудил этим сильные волнения среди греков. Возникли так называемые споры варлаамитов и паламитов. Во главе последних стоял прп. Григорий Палама, впоследствии архиепископ Солунский. Паламиты защищали правое учение о том, что в несозданной сущности Бога не созданы и вечны и Его энергии или действия (благодать, всемогущество, слава, благодать, осиявающая достойных Божественным светом). Противники отрицали это, утверждая также, что Божественный свет (Фаворский в частности) был сотворен, и таким образом разделяя Божество на сотворенное и несотворенное. На Константинопольском Соборе в 1341 году лжеучение Варлаама было осуждено, и он вынужден был испросить прощения за свои хулы на православных, а потом бежал в Калабрию и, присоединившись к католикам, получил от папы епископскую кафедру в г. Гиераке. После отбытия Варлаама нападки на православных аскетов продолжал учившийся у него светским наукам и сначала анафематствовавший его учение монах Григорий по прозвищу Акиндин. Ловко воспользовавшись недовольством патриарха и сановников против стоявшего за Кантакузина защитника православия Григория Паламы, он склонил на свою сторону патриарха Иоанна Калеку и завлек было в свои сети и царицу Анну. Патриарх приблизил Акиндина к себе, день и ночь советовался с ним и собирался возвести в сан священника и епископа. На соборе в 1345 году он отменил прежнее свое осуждение Варлаама и осудил защитников православного учения. Однако торжество Акиндина было непродолжительным. Царица поняла ложь и коварство врагов православия и созвала Собор в феврале 1347 года, на котором Акиндин был осужден, а патриарх за сочувствие к нему был лишен патриаршества.

Во время этих смут большую услугу оказал византийцам при. Савва как своими молитвами, так и своими советами, а также обличениями и увещаниями оставить церковную и гражданскую распрю (§ 67). В его житии приводится, во-первых, факт увещания и предостережения солунского мятежника Андрея Палеолога (§ 64), а также видение об отлучении и анафематствовании Акиндина. Политическая смута, наконец, на время закончилась вступлением Иоанна Кантакузина в Константинополь в 1347 году и признанием его императором. Все свои усилия он направил на вразумление заблуждавшихся, но, несмотря на это, варлаамиты еще долго волновали Церковь и вынуждали церковную власть созывать Соборы в 1351 и 1368 годах. Что касается дальнейшей судьбы Иоанна Кантакузина, то рок как бы нарочно вел его к осуществлению давнишнего его желания – принять монашество (§ 69). В 1352 году он опять вынужден был вступить в борьбу с устраненным им сыном Андроника Младшего Иоанном V Палеологом, и когда последний в 1355 году одолел его, он отрекся от престола и согласно своему желанию (§ 69) принял монашество в Манганском константинопольском монастыре²⁶. Остаток жизни своей он прожил по большей части на Афоне в Ватопедской обители, где написал и свою «Историю», обнимающую годы с 1320 по 1350-й и являющуюся главнейшим и достовернейшим источником²⁷ для изучения волновавших Византию в IV столетии религиозных споров²⁸.

²⁶ Манганский монастырь – монашеская обитель в центральной части Константинополя, на берегу Мраморного моря, северо-восточнее древнего акрополя Византия, основанная императором Константином IX Мономахом (1042–1055) до 1045 г. Около 1155 г. в монастырском приюте жил и творил один из самых замечательных византийских поэтов, чье настоящее имя неизвестно, оставшийся в истории с именем Манганский Продром. В 1204 г. во время захвата Константинополя крестоносцами монастырь был разграблен и пришел в запустение. После освобождения в 1261 г. города византийцами на восстановление обители из казны были выделены средства. В XIII–XV вв. монастырю в какой-то степени удалось оправиться от последствий латинского погрома, и он вновь стал местом упокоения представителей высших слоев империи. Известно, что к концу XIV в. монастырю удалось собрать немногие христианские святыни Константинополя, уцелевшие после разграбления города латинянами. Последний период существования монастыря связан с подвижнической деятельностью непримиримого борца с унией святителя Марка, митрополита Ефесского (см.: Византийский словарь: В 2 т. / [сост., общ. ред. К. А. Филатова]. СПб., 2011. Т. 2. С. 18–19). – *Ред.*

²⁷ Παπαμιχαήλ Γ. Ὁ Ἅγιος Γρηγόριος ὁ Παλαμάς. Σ. λυ, μ.

²⁸ В Ватопедской обители он и похоронен. См.: Γ. Σμυρνάκης, Τό #γιον #ρος, #θήνα 1903. Σ. 433.

Исихастский аскетизм или исихия (безмолвие)

Споры варлаамитов и паламитов, волновавшие Византию в XIV столетии, выдвинули вопрос об одном из видов восточного православного подвижничества, так называемом исихастском аскетизме или исихии. В то время как варлаамиты старались выставить исихию как опасную²⁹ ересь, сильнейшее заблуждение и самообман, паламиты доказали, что она есть древнее предание³⁰ Православной Церкви, один из удобнейших способов богообщения. Первоначальной ареной борьбы из-за исихии был Афон, служивший главнейшим центром восточного созерцательного аскетизма в средневековую эпоху. Ревностнейшим подвижником-исихастом был и прп. Савва, житие которого не может быть вполне понято без знакомства с исихазмом.

Исихия (#σιχήα – безмолвие) или исихастский аскетизм – род подвижничества, издревле пользовавшегося особенным уважением и широко практиковавшегося на Востоке. В отличие от аскетизма общественного³¹ (*ασκησις κοινωνική*), состоящего в творении добрых дел в обществе и совершении так называемых общественных добродетелей (например, милостыни), исихия есть жизнь вдали от мира, «в упокоении»³² от всего земного, в совершенном отрешении от мирских забот и всецелом погружении в Боге. Для того чтобы исихаст мог беспрепятственно пребывать в Боге, ему необходимо не только совершенно уединиться от мира и всего, что так или иначе напоминает его, ему нужно сосредоточиться в себе, отвлечься от всякого представления или понятия, от всякой мысли, даже до сознания самой деятельности мышления. И только тогда, когда ум его обнажится от всяких представлений, а сердце от чувственных желаний, он делается способным вступить в таинственное, прямое и непосредственное общение с Богом – не при помощи слов или мыслей, но, так сказать, нагим соприкосновением своего духа. Сначала это есть молитва, притом самая высшая и чистая, так как здесь не примешивается никакая посторонняя мысль или беспокойство о чем-нибудь³³. Далее молитва прекращается и начинается созерцание³⁴ непостижимого³⁵ – того, что за пределами мира смертных, а вместе с тем изумление³⁶ и восхищение³⁷. Тогда «ум умолкает»³⁸ в неведении всего здешнего», забывая себя и все окружающее, и «иною силою путеводится сам не зная куда»³⁹. Чувства тогда становятся излишними, закрываются уста, и душа «по непостижимому единству соделывается подобной Божеству и озаряется в своих движениях лучом высшего света»⁴⁰. Выше этого состояния нет уже другого⁴¹.

Исихия современна началу монашества на Востоке. Преподобные Антоний и Макарий Египетский, Арсений Великий, Иоанн Лествичник и другие были исихасты. Первым афон-

²⁹ Παπαμιχαήλ Γ. Ὁ Ἅγιος Γρηγόριος Παλαμάς (1296–1360). Πετρούπολις: Ἀλεξάνδρεια. 1911. Σ. 27, 111 и т. д.

³⁰ Παπαμιχαήλ Γ. Σ. 41.

³¹ Ibid. Σ. 21.

³² Πορφύριος (Успенский), επ. История Афона. Ч. III. Отд. перв. С. 133.

³³ Творения иже во святых отца нашего аввы Исаака Сириянина. Слово 16. Сергиев Посад, 1911. С. 62.

³⁴ Там же. С. 61.

³⁵ Там же.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. С. 67.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же. С. 64.

⁴⁰ Творения аввы Исаака Сириянина. Слово 16. С. 63.

⁴¹ Созерцания этого не нужно смешивать с обыкновенным созерцанием природы (τῆν #ντων), которое является только подготовительною ступенью к первому или непосредственному (*ἀμεσος θεωρία*). См. наст. изд.: Житие Саввы Нового. § 70.

ским исихастом считается св. Петр Афонский⁴², пятьдесят три года подвизавшийся в одной афонской пещере в молчании, уединении, посте и молитве. Из афонских исихастов последующего времени известны: Иосиф, Симеон, Онуфрий, Иоанн Колов, Евфимий Новый (IX век) и другие⁴³. Вообще безмолвничество на Афоне, особенно благоприятном для такой жизни, никогда не переводилось⁴⁴, хотя число исихастов, достигавших высших степеней исихии – экстаза, видений и созерцаний, с течением времени и на Афоне, как и везде, становилось, по трудности этого дела, все меньше и меньше. При. Григорий Синаит (f 1346), обойдя Синай и Палестину, только на острове Крит нашел опытного в исихии аскета Арсения, от которого и научился созерцанию⁴⁵ (*S-εωρία*). Прибыв на Афон, он среди многих добродетельных подвижников не нашел ни одного, вполне посвященного в тайны исихии, и только трое «немного»⁴⁶ знали об этом. С горячей ревностью принялся тогда прп. Григорий преподавать афонским отцам правила исихии и скоро сделал весь Афон «плодоносным»⁴⁷, заслужив славу второго после Афанасия «законодателя»⁴⁸ афонского монашества. Вскоре после этого возникшие споры варлаамитов и паламитов открыли пред всем миром целый ряд афонских исихастов, достигавших высших степеней исихии и озарявшихся во время своих дивных созерцаний невещественным светом. Во главе их стоял приснопамятный Григорий Палама, впоследствии архиепископ Фессалоникийский.

Учение об исихии можно находить в писаниях многих как древних, так и более поздних подвижников, как, например, Иоанна Лествичника, Исихия, Филофея Синаита и т. д. Более подробно раскрыли его прп. Симон Новый Богослов (f 1032), Григорий Синаит (f 1346) и особенно Григорий Палама (1296–1359).

По учению прп. Симеона, для успеха в исихии требуется, во-первых, полное беспристрастие ко всему, чистота совести и хранение ума с Иисусовой молитвой. При этом из трех видов ее: устной, умной и сердечной – он отдает предпочтение последней и указывает наилучший способ ее⁴⁹.

«Прежде всего, – говорит он⁵⁰, – нужно хранить следующие вещи: первое – беззаботность от всего как благословного, так неблагословного и суетного, то есть быть мертвым от всего, второе – чистую совесть во всем и третье – совершенное беспристрастие, чтобы помысл твой не склонялся ни к какому мирскому предмету. После этого сядь в каком-нибудь уединенном месте, в углу, и, заперев двери, отвлеки ум от всякого привременного и суетного

⁴² Время жизни его до сих пор не определено даже по отношению к столетию, в которое он жил. PG. T. 150. Col. 992–993.

⁴³ Порфирий (Успенский), еп. История Афона. Ч. III. Отд. нерв. Киев, 1877. С. 144.

⁴⁴ См.: Meyer Ph. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894. S. 117, 145, 171, 191.

⁴⁵ Житие иже во святых отца нашего Григория Синаита по рукописи Московской Синодальной библиотеки. Издал И. Помяловский. СПб., 1899. Греч, текст. С. 8–9.

⁴⁶ Там же. С. 10.

⁴⁷ Там же. С. 43.

⁴⁸ Там же. С. 42.

⁴⁹ Не лишнее при этом заметить, что как прп. Симеон, так и прп. Григорий Синаит вместе с Григорием Паламой считали занятие умной молитвой обязательным не только для аскетов-иноков, но и для мирян. Сводя их мнения об этом, Паисий Величковский говорит: «Буди же знаемо и сие тебе, добрый рачителю священного сего умного делания, яко не точию в пустыни или уединенном отшельничестве, но наипаче в самых тех великих лаврах и посреди градов сущих, быша учителя и множайшие делатели умному сему священнодействию. И чудится настоит, како святейший патриарх Фотий, от сенаторского чина взят будучи на патриаршество, и не сущ монах, обучися на таком высоком степени умному сему деланию и толико преуспе, яко сияти лицу его, аки второму Моисею, от сущия в нем благодати Святого Духа, рече святой Симеон Селунский». На возражения об опасности впасть при этом в прелесть старец говорит, что опасно раньше времени усиливаться достигнуть «зрительной» или «духовной» молитвы, которой, по словам еще Исаака Сирина, достигает «от тмы един». «Довольно бо, довольно нам, страстным, – заключает он, – поне след умного безмолвия познати, еже есть делательная молитва, ею же прилоги врагии и злые помыслы прогоними бывають от сердца» (Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. М., 1847. С. 77, 80). Такого же мнения об умной молитве, как обязанности мирян, держится и преосвященный Феофан (см. его Письма о христианской и духовной жизни).

⁵⁰ См.: Παπαμιχαήλ Γ. 'Ο Άγιος Γρηγόριος Παλάμας. Σ. 57–60.

предмета. Потом прижми нижнюю челюсть или браду свою к груди и внимательно смотри умом и чувственными глазами своими внутрь себя. При этом задерживай немного и дыхание свое и старайся найти место, где находится сердце твое, чтобы там всецело находился ум твой. Сначала ты найдешь внутри себя только тьму, великую твердость и жестокость, а потом, если потрудишься в этом непрерывно день и ночь, – о чудо! – одну непрестанную радость. Когда же, подвизаясь таким образом, ум найдет сердечное место, тогда увидит внутри себя то, чего раньше никогда не знал и не видел. Он увидит тогда воздух, который находится в сердце, и всего себя светлым и полным рассуждения. И с того времени он станет отгонять худые мысли молитвой “Господи Иисусе Христе, помилуй мя!”»

По учению Григория Синаита, непременным условием или, лучше, основанием исихии служит тоже так называемая умная (вернее, умственная, в отличие от устной) или Иисусова молитва. Отдельные стадии⁵¹ или моменты этой молитвы – это, во-первых, таинственное действие ума вместе с очистительной силой духа, или «неделание» (*σχήλη*); во-вторых, озаряющая сила и видение, или созерцание (*θεωρία*); и в-третьих, экстаз и восхищение ума к Богу. Очистительная сила Духа вместе с особенно необходимыми для исихаста добродетелями: воздержанием, молчанием и самоукорением – очищают душу от различных страстей, особенно гордости. Вышеупомянутые добродетели поддерживают, кроме того, молитву и вместе с «молчанием от всего», то есть тщательным хранением ума от образов, представлений и мечтаний, а также непрестанным плачем (*πένθος*) или скорбью о грехах возводят на вторую степень исихии – созерцание (*θεωρία*). Тогда ум озаряется духовным сиянием и начинает созерцать, то есть яснее видит природу всего существующего, а потом мало-помалу при все возрастающей любви ко Христу достигает видения невидимой и неизреченной красоты Божества, озаряемый беспредельным Его светом и не чувствуя «немощного» и «бренного тела». Это и есть экстаз. Так как одним из главных условий успеха в исихии является немечтательная, строго сосредоточенная молитва, то прп. Григорий Синаит предлагает и удобный способ для достижения лучшей сосредоточенности в молитве. «С утра, – советует он, – сидя на седалище в одну пять, сведи ум из головы в сердце (*ἀγξον τόν νοον #к του #γεμονικου #ν καρδα*) и держи его там и, наклоняя терпеливо грудь и плечи и сильно сгибая шею, непрестанно зывай мысленно или душевно⁵²: “Господи Иисусе Христе, помилуй мя!” Потом, вследствие притрудности, а также, может быть, тягостности и неприятности постоянного повторения одного и того же, обрати ум на другую половину и говори: “Сыне Божий, помилуй мя!” Повторяй много раз эту половину, но не переменяй ее часто по нерадению; сдерживай также и дыхание, чтобы не без страха тебе дышать, так как воздух из легких, поднимаясь от сердца, затемняет ум и возбуждает мысль, изгоняя его оттуда, так что он или предается в плен забвению, или, занявшись другою мыслью, незаметно подготавливается к тому, в чем ему не должно находиться. Если при этом ты заметишь нечистоту злых духов, то есть помыслы, возникающие или сменяющие друг друга в твоём уме, не убойся; если появятся и добрые мысли о чем-нибудь, не обращай на них внимания, но, задерживая дыхание, сколько возможно, и заключая ум в сердце и непрестанно с настойчивостью призывая Господа Иисуса Христа, скоро сожжешь и уничтожишь их, невидимо поражая их Божественным именем, ибо Лествичник говорит: “Именем Иисуса бичуй врагов, потому что нет оружия сильнее ни на небе, ни на земле”». Следствием такого способа молитвы является освобождение от страстей, Божественная любовь, «изумление» или «исступление» (экстаз) и осияние Божественным светом Духа, которое чувствуется как свет воссиявший. Это и есть воскресение души прежде общего воскресения, третья стадия умной молитвы.

⁵¹ Παπαμῆχα#λ Γ. Σ. 51–55.

⁵² То есть устами. «Одни (из отцов) устами, а другие умом учат произносить ее (Иисусову молитву), я же употребляю то и другое, ибо иногда ум устаем, а иногда уста», – говорит прп. Григорий Синаит в другом месте (Περί τὸν πῶς δεῖ λῒγειν τὴν ευχὴν // PG. T. 150.1865. Col. 1330–1332).

Исихастам, достигшим этой степени, прп. Григорий советует быть особенно внимательными и осторожными по отношению к своим внутренним переживаниям, так как на этой стадии обыкновенно бывают обманчивые явления благодаря действию нашего воображения. Доверять им следует только после самого тщательного испытания.

Особенно подробно излагает учение об исихии св. Григорий Палама, который является «наилучшим теоретиком и систематизатором⁵³ созерцательной исихии». Его взгляд таков⁵⁴. После падения во грехе преступления первозданные подверглись прежде всего смерти душевной, которая состоит «в отчуждении и удалении от Бога, так как жизнь души есть общение и единение с Ним». За смертью душевной последовала и смерть телесная, как необходимое последствие преступления. Смерть телесная, по милосердию Божию, явилась, однако, не сразу, чтобы человек имел время *покаяться*. Таким образом, цель земной жизни – «возвращение через покаяние к Богу, усыновление Ему и единение с Ним». По той тесной связи, какая существует между душой и телом, взаимно восполняющими друг друга, цель эта может быть достигнута не одной душой, но непременно в союзе с телом, которое для этого должно быть поставлено в известные условия. На и лучшие условия для покаянной жизни представляет безмолвие (исихия). Подвиг безмолвия дает полную возможность непрестанной молитвой быть всегда в общении с Богом и очищает от страстей, гнездящихся в трех душевных силах: мыслительной, чувствовательной⁵⁵ и желательной. Прежде всего должно стараться об очищении желательной силы, к которой обычно приражаются страсти: любостяжание или сребролюбие, как корень всех их, далее честолубие, человекоугодничество и чревоугодие. Следствием такого очищения будет духовная нищета. Из нее протекает плач или душевное сокрушение с самоукорением, чем очищается вторая душевная сила – чувствовательная. После этого следует очищение третьей силы – мыслительной, или умственной. Ум наш, благодаря внешним чувствам, обыкновенно «отвлекается и рассеивается», но исихаст должен устранить эту рассеянность при посредстве так называемого «кругового движения» ума, обращая его к самому себе и собирая в сердце, которое есть как бы склад или хранилище помыслов (Мф. 15:19). Собираение ума для начинающих – дело в высшей степени трудное, так как ум постоянно стремится к обычной рассеянности. Легче всего оно достигается через дыхание⁵⁶ (*αναπνοή*). Прп. Григорий допускает, однако, и другие способы для достижения той же цели, как, например, сосредоточение взора на одном каком-нибудь предмете⁵⁷. Так, по крайней мере, подвизались совершеннейшие исихасты прежнего времени, и это не воспрепятствовало им угодить Богу и удостоиться пророческого дара.

Непрестанная сосредоточенная молитва возводит исихаста на высшую степень исихии – созерцание, за которым следует Божественное озарение, когда подвижник осиявается Божественным несозданным светом, подобным тому, какой видели апостолы на Фаворе. Этот свет созерцается исихастом как ведомо одному только Богу и не есть результат усилий и подвигов исихаста, но дар благодати Божией. Это и есть высшая степень единения⁵⁸

⁵³ Соколов И. И., проф. Св. Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский, его труды и учение об исихии. СПб., 1913. С. 15.

⁵⁴ Παλαμῆχα#λ Γ. Ὁ Ἀγιος Γρηγόριος Παλαμάς. Σ. 68–73.

⁵⁵ Или раздражительной, или яростной. – Ред.

⁵⁶ Яснее об этом у Ксанфопула: «Итак, сев в безмолвной келлии, собери ум твой, введя его, то есть ум, «в ноздренный путь», которым дыхание в сердце входит, и толкай его и понуждай сойти вместе с вдыхаемым воздухом в сердце» (PG. Т. 47. Col. 680; Παλαμῆχα#λ Γ. Σ. 58. См. также: Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С. 207).

⁵⁷ Паисий Величковский предостерегает против сосредоточения внимания в груди или на пупке во избежание молитвы нечистой, соединенной с возбуждением плотских страстей. «Не точию бо молитвы и внимания в сей части (груди или пупке) не подобает действовати, но и самую ту теплоту, приходящую от похотных части на сердце в час молитвы, весьма не приммати», так как это «первая и самоизвольная прелесть». Сердце находится «не посреди чрева» и не «в персех», но «под левым сосцом» (Житие и писания молдавского старца Паисия Величковского. С. 81).

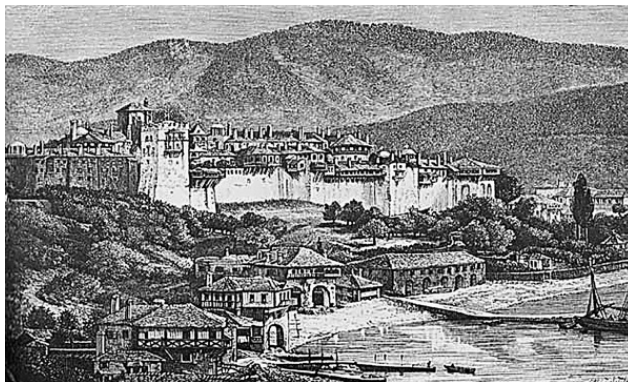
⁵⁸ Приведенное учение святых отцов об исихии да послужит вразумлением неправомыслящих об Иисусовой молитве

с Богом и обожение (*θεώσις*), которое нужно понимать не как изменение и переход души в Божественную сущность, но только как преобразование ее действием (энергией) Божества.

и святейшем имени Господа и Спасителя нашего Иисуса Христа. Имя Иисуса Христа служит только средством общения с Богом, посредствующей, так сказать, ступенью этого общения, как и всякая словесная молитва. Высшее, более тесное общение с Божеством происходит не в имени, не в слове или словесной молитве, но в непосредственном (*ἄμεσος θεωρία*) созерцании. «Тогда ум, – по словам прп. Максима Кавсокаливита, – молиться не может, но всецело подчиняется Духу и следует за ним, куда Ему угодно, – или в область невещественного света, или в какое-нибудь неизглаголанное созерцание и в божественную беседу» (*Δοκίμη* К. Х. 1889. Σ. 208. То же в Афонском Патерике (Ч. I. С. 43). Согласно с этим, как мы видели, говорит и св. Исаак Сирий).

Ватопедский монастырь

Ватопедский монастырь, в котором подвизался при. Савва, – один из древнейших и замечательнейших монастырей афонских. Этот монастырь расположен на северо-восточном склоне Афона, на берегу залива Контессо, на месте какого-то древнего⁵⁹ города. Построенная, по преданию⁶⁰, еще в IV столетии⁶¹, эта обитель до времен св. Афанасия Афонского (X в.) лежала в развалинах. Восстановителями⁶² ее явились прибывшие в конце X столетия (между⁶³ 972 и 980 г.) из Адрианополя трое богатых и благочестивых мужей: Афанасий, Николай и Антоний. По совету св. Афанасия они восстановили⁶⁴ запустевший (после арабского⁶⁵ нашествия) Ватопедский монастырь, ввели в нем принятый из рук св. Афанасия устав⁶⁶, жили в нем, скончались и погребены в монастырском храме⁶⁷. В первый раз мы

⁵⁹ На это указывают остатки древностей, хранящихся в Ватопеде. Преосвященный Порфирий (Успенский) полагает, что на мете Ватопеда стоял город Дион (созвучный с названием обители – *Βατοπεδίον*), упоминаемый географом Скилаксом за 500 лет до Р. Х. (см.: *Порфирий (Успенский), еп.* История Афона. Ч. I. С. 156), Геродотом (L. VII, 22), Фукидидом (L. IV, 109) и другими. Влахос думает, что здесь находился город Харадрия (*Βλάχος, Ηγερόνησος του Αγίου Όρους Αθω. Έν Βίλω*, 1903. Σ. 184).

⁶⁰ Предание это можно читать в Проскинитарии Иоанна Комнина (1701 г.), у В. Г. Барского (1744 г.), в книге «Рай мысленный» 1659 г. (Сказание Стефана Святогорца), у Гедеона («Ο Ἁθως». Σ. 301), также в «Истории Афона» преосв. Порфирия (Ч. II. С. 46–84). Согласно этим преданиям, Ватопед устроен императором Константином Великим в 5829 (321) году, сожжен Юлианом Отступником, посещен Плакидией (в 382 г.), дочерью императора Феодосия, услышавшей чудесный голос, запрещавший ей вступать в монастырь, и устроившей в память этого чуда храм в честь великомученика Димитрия. В 390 г. император Феодосий обновил Ватопед в благодарность Богу за спасение своего сына Аркадия или сына брата своего, Вата, от потопления. В «Новом Лимонаре» (*Νέον Λιμονάριον*) рассказывается, что в V столетии преподобные Софроний и Варнава видели Ватопед вместе с другими афонскими обитателями во время своего посещения Афона (см. у Гедеона «Ο Ἁθως». Σ. 313). Далее предания говорят, что в IX столетии арабы напали на Ватопед и разорили его (Первое путешествие в Афонские монастыри и скиты архимандрита, ныне епископа, Порфирия (Успенского). Ч. II. С. 36; Langlois. *Le Mont Athos et ses monasteries*. Paris, 1857. P. 17; Σμυρνάκης. Τό Άγιον #ρος. Σ. 429). Название Ватопед объясняется то как «Βάτοι; παιδίον» — «отрок Вата», то как «Βάτοι; πεδίον» — «равнина, покрытая терновником». В древних актах пишется «Βατοπεδίον», а не «Βατοπαιδίον» (Заметки поклонника. С. 87, примеч.; *Βλάχος*. Σ. 184, примеч. См. также: *Γεδεον. Ο Ἁθως* Σ. 318; Акты русских на Афоне монастырей. № 15. С. 144).

⁶¹ «Едан од найстария светогорски монастыри». «Света Гора»... Д. Авраамовича у Београду, 1848. С. 59. Также: Заметки поклонника. С. 78.

⁶² См.: *Григорович-Барский В.* Второе посещение Афона. С. 193; *Порфирий (Успенский), еп.* История Афона. Ч. III. С. 116; Σμυρνάκης. Σ. 429; *Βλάχος*. Σ. 184.

⁶³ *Βλάχος*. Σ. 184.

⁶⁴ Восстановление Ватопеда не раньше X столетия доказывается тем, что в типике императора Пимисхия I 972 г. он не упоминается (Langlois. P. 18).

⁶⁵ Miller E. *Le Mont Athos, Vatopedi, L'ile de Thasos*. Paris, 1889. P. 64.

⁶⁶ ...Συνίστη # το# Βατοπεδίον παρά το# ίδίον όσιόν Ἁ#ανασίον το# καί τύπους αὐτ# #εμ#νον καί διατάξις (рукопись Филофеевского монастыря «История Афона». Ч. III. Оправд. С. 302; Σμυρνάκης. Σ. 429).

⁶⁷ Здесь до сих пор показывают их надгробие. *Sava Chilandarec. Kniha o Svate Hore Athonske*. V. Praze, 1911. S. 48.

встречаем эту обитель в документе⁶⁸ от 985 года, индикта 13-го, где в числе других подписей находится и подпись Николая, монаха и игумена Ватопедского (*Βατοπεδίου*). В начале XI века Ватопед был уже многолюден⁶⁹ и занимает второе⁷⁰ место (первое после Лавры св. Афанасия) в ряду великих афонских обителей. В протатском афонском деле⁷¹ от 1071 года упоминается игумен этой обители Феодосий, по просьбе которого прот Павел с судными старцами произвел размежевание владений Ватопеда от обители Каллиника. В том же⁷² (XI) столетии к Ватопеду была присоединена небольшая обитель Иеропатора, а позже обители: Верриота, Калестраили Калеци, св. Димитрия, Ксистра, Триполита, Ковача (*Χαλκζως*) и Трохала. В конце XII века сербский король Стефан Неманя (в иночестве Симеон) с сыном своим Саввой (впоследствии архиепископом Сербским) устроили в Ватопеде трехъярусные⁷³ келлии, 7 параклисов⁷⁴ и приписали⁷⁵ к обители разные метохии (земельные владения). В XIII столетии Ватопед был опустошен⁷⁶ и razoren приверженцами унии и обновлен⁷⁷ императором Андроником Старшим⁷⁸ (1282–1328 гг.). Новыми благодетелями⁷⁹ Ватопеда были императоры: Иоанн V Палеолог (1341–1375), Иоанн VI Кантакузин⁸⁰ (1347–1355), а также сербский король Стефан Душан (1336–1356) и др.

В последний⁸¹ раз Ватопед был обновлен в конце XIII столетия. Киновияльное (общезительное) устройство Ватопед сохранял до 1541 года⁸², а с этого времени до наших дней (с небольшим перерывом около 1575 г.) остается идиоритмом (своезительным).

Из многочисленных святынь Ватопеда должно отметить особенно хранящуюся здесь часть Пояса Богоматери⁸³, подаренную, как думают⁸⁴, сербским краем Лазарем (1372–1389 гг.). В настоящее время Ватопедский монастырь один из богатейших и обширнейших монастырей афонских. Он имеет форму треугольника и обнесен стеной с бойницами и башнями.

С трех сторон его окружают горы, покрытые роскошными лесами. Их свежая зелень, чередуясь с разбросанными кругом цветущими нивами, благовонными виноградниками и ароматными садами, делает местоположение Ватопеда чисто райским⁸⁵ уголком мира.

⁶⁸ "Εγγράφον ἀσφάλεια εἰς τὸν κ. 'Ι' Ἰβηρα... Σμυρνάκης. Σ. 37.

⁶⁹ «Τυπικὸν τοῦ ἁγίου οροῦς τοῦ Κ. Μονομάχου». Meyer. Die Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöster. Leipzig, 1894. S. 157. С XI в. он называется уже лаврой. *Βλάχος*. Σ. 185.

⁷⁰ Ibidem. S. 162.

⁷¹ *Σμυρνάκης*. Σ. 46.

⁷² *Βλάχος*. Σ. 185. См.: *Σμυρνάκης*. Σ. 446–451.

⁷³ Афонский Патерик. Ч. I. М., 1897. С. 14.

⁷⁴ Путеводитель по Афону. С. 92. М., 1903.

⁷⁵ *Βλάχος*. Σ. 185; Афонский Патерик. Ч. I. С. 82–83.

⁷⁶ *Γεδεών*. Ο' Ἀθως. Σ. 143.

⁷⁷ *Βλάχος*. Σ. 186. К концу XIII или началу XIV столетия должно отнести, по мнению Кондакова, и нынешний собор ватопедский (*Кондаков Н.П.* Памятники христианского искусства на Афоне. СПб., 1902. С. 34).

⁷⁸ *Βλάχος*. Σ. 186.

⁷⁹ Ibid.

⁸⁰ Здесь и скончавшийся с именем Иоасаф. *Γεδεών*. Ο' Ἀθως. Σ. 167. См.: *Langlois*. P. 18. Кроме того, здесь похоронены император Мануил II, с именем Матфей, и сын его Андроник (в монашестве Антонин). См.: *Sava Chilandarec*. S. 283.

⁸¹ Путеводитель по Афону. С. 93.

⁸² *Βλάχος*. Σ. 186.

⁸³ *Βλάχος*. Σ. 188.

⁸⁴ *Σμυρνάκης*. Σ. 438. См. также «Πηδάλιο» Никодима Святогорца.

⁸⁵ *Schmidtke*. Das Klosterland des Athos. Leipzig, 1903. S. 73. См. также у Барского: «...на месте равне, между красными елеонами маслячними и виноградами и иными древами садовными. Отвсяюду имущий горы высоки, с густыми и прекрасными лесами...» (*Василий Григорович-Барский*. Второе посещение святой Афонской Горы. СПб., 1887. С. 191).

Списки и издания жития преподобного Саввы

Житие при. Саввы имеется в нескольких списках. Главнейшие из них: ватопедский (Cod. 89 monasterii *Βατοπεδίου*), московский (Синодальная Библиотека. № 257. Л. 122) и венецианский (Gr. I. Marci biblioth., cod. Manuscr. Venetiis 1740). Греческий текст в первый раз издан А. Пападопуло-Керамевсом в 1898 году в «*Ἀνάλεκτα Ἱεροσολυμιτικῆς Σταχυολογίας*» (Т. V. Σ. 190–359) #v Петроῦπολει по ватопедской рукописи, сверенной с другими. Эта рукопись, по палеографическим и др. данным конца XIV или начала XV столетия, состоит из 167 бумажных листов (дл. 0,17, шир. 0, 12), из которых первые три новейшие и содержат начало жития при. Саввы. Они списаны архимандритом и скевофилаксом Ватопедской обители Иаковом Карпенисиотским в 1835 году с другой рукописи, находящейся в лавре св. Афанасия на Афоне. Сокращенное житие св. Саввы на русском языке напечатано в седьмом издании Афонского патерика⁸⁶. Предлагаемый перевод полного жития прп. Саввы сделан нами с изданного А. Пападопуло-Керамевсом греческого текста.

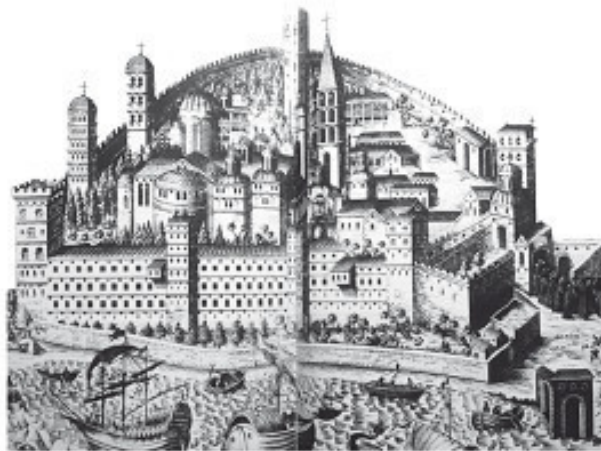
⁸⁶ Афонский Патерик. Ч. II. С. 461–463. М., 1897. Составлено по еп. Порфирию Успенскому.

**Житие и деяния преподобного
Саввы Нового, Ватопедского,
подвизавшегося на Святой Горе Афон**

СВЯТИТЕЛЬ ФИЛОФЕЙ КОККИН, ПАТРИАРХ КОНСТАНТИНОПОЛЬСКИЙ

ЖИТИЕ И ДЕЯНИЯ
преподобного
САВВЫ НОВОГО,
ВАТОПЕДСКОГО,
подвизавшегося на Святой Горе Афон

Святитель Филофей Коккин, патриарх Константинопольский

1

Предметом настоящего слова⁸⁷ является дивный Савва, о котором столько говорят в настоящее время (*#πόθεσις #γώνων*).

И в этом нет ничего странного или необычного для нас, так как он (Савва) всегда, бывало, предлагал нам темы для рассуждений как относительно того, что касалось нас, так и того, что относилось к посторонним, и казалось, что наши рассуждения и мысли доставляли ему даже удовольствие и наслаждение⁸⁸. Теперь он себя самого предлагает высоким предметом слова, чтобы мы как можно лучше могли познакомиться с ним, славным не только при жизни, но и по преселении отсюда, а также подражать и следовать его делам и учению.

Действительно, если бы я дерзнул сам взяться за это дело, надеясь на силу своего слова и высоту созерцания⁸⁹ (*θεωρίας*), то это было бы, мне думается, величайшей глупостью с моей стороны и почти сумасшествием, а для имеющих ум я показался бы воображающим о себе слишком много. Даже если я многих превосходил словом и добродетелью, и то не послужило бы мне оправданием, так как подлежащий (предмет повествования) настолько высок, что если бы для изображения его вся существующая ныне у людей сила слова соединилась вместе, и тогда едва ли бы вышло что-нибудь. Но так как вышеестественная жизнь и деяния его были делом обильно излившейся на него благодати, то ее же дело дать и сверхъестественную силу повествованию о нем для удивления потомков и на общую пользу. Глубоко убежденный в этом, а ничуть не по самомнению, я с благими надеждами приступаю к повествованию об этой любомудрой и дивной душе, которая слово считала некоторым образом сопутствующим добродетели и эту прекрасную чету признавала тесно связанной друг с другом; она сама этим дышала и нас этому учила. Поэтому, так как славная жизнь его была необычайным училищем и слова, и добродетели, то и должно рассказать о ней любителям последней далеко, однако, не во всех подробностях, ибо это невозможно как потому, что нет человека, которому были бы известны все его подвиги, так и потому, что невозможно было бы всех их заметить по причине их многочисленности. Мы изложим пока только то, что сами видели или слышали от него или что узнавали от тех, кто его близко и хорошо знал, особенно же то, чему он сам учил и наставлял и о чем любил беседовать.

⁸⁷ Слово (*λόγος*) – очень распространенный вид произведений ораторского искусства в Византии, проходящий через всю ее историю. Слова писали и произносили не только духовные, но и светские ораторы. Содержание при этом бралось из самых разнообразных областей человеческого ведения и жизни – богословской, философской, исторической, из области агиологии (жития святых) и т. д. Некоторые из них по своему значению приближаются к историям и имеют весьма важное значение для выяснения многих сторон византийской жизни. Особенного развития Слово достигли в эпоху Комнинов и Ангелов (1081–1084). Одними из лучших произведений этого рода в эпоху Палеологов (1261–1453) являются Слова патриарха Филофея. В форме Слова написано им и житие при. Саввы (см. у Брокгауза и Ефрона под словом «Византия»). – *Примеч. пер.*

⁸⁸ Патриарх Филофей, как говорилось выше, известен произведениями агиографическими, литургическими, экзегетическими, каноническими и гомилетическими; обладал весьма обширными познаниями в области Священного Писания и святоотеческой литературы. Богословствование его отличается глубиной анализа и силою экзегетических доводов (см.: Церковные Ведомости. 1898. № 51–52). – *Примеч. пер.*

⁸⁹ Созерцание – это высшая степень подвижнического преуспевания, когда человек сколько для него возможно созерцает Божество и тайны духовного мира. Такое состояние бывает уделом весьма немногих, именно тех, которые очистились от страстей и достигли верха добродетели. – *Примеч. пер.*

2

Какого рода и страны или какого воспитания или образования великий этот (человек) был начатком в настоящее время, кажется мне, пока нет надобности говорить не потому, чтобы все это не было славно и знаменито и он (таким образом) в значительной степени не превосходил бы и этим других, ибо кто не знает Филипповой⁹⁰ Фессалоники⁹¹, как она великолепна и благоустроена и насколько превосходит науками и искусствами и всем другие города, так что не только стоит выше городов Фессалии⁹² и Македонии⁹³ и так называемых «главных городов», но далеко превосходит славою даже самые величайшие и издревле знаменитые, а зная это, кто не признает вместе с этим и того, что и родители его были блгородны и славны⁹⁴ как по своему происхождению, так и по добродетели. Но чтобы кто-нибудь не подумал, что мы говорим по тщеславию, достаточно выставить на вид то обстоятельство, что он все это решился презреть, как весьма немногие из людей, так что совсем на это и внимания не обращал. Однако, так как не только некоторые из внешних, но и большинство наших мудрых и знаменитых (мужей) об этом спрашивают, да и должно именно отсюда, как от некоторого надежного пункта отправляясь, идти дальше, то необходимо и нам подчиняться существующему обычаю и следовать предшествовавшим отцам слова. Это и он считал особенно важным, высоко ценя соблюдение меры в делах и точное следование предшественникам.

Итак, отечеством его, как я только что сказал, была дивная и великая Фессалоника, которую я мог бы похвалить со многих других сторон, — между прочим и за то, что она собрала в одно место все, что обыкновенно украшает город, и обладает всем этим в большом изобилии, так что невозможно даже и сказать, чего в ней из всех этих благ больше, но пока с похвалой отзовусь особенно о том, что она и наукой, и добродетелью изобилует больше, чем другие города. Ибо цивилизованным людям свойственна и как бы врожденна известная благопристойность (*κόσμιος*), и без этого не могло бы даже начаться государство, а если бы

⁹⁰ Филипп II (360–336 до Р. Х.) — знаменитый царь Македонский, отец Александра Македонского.

⁹¹ Город в Македонии. Фессалоника (Солунь, *совр.* Фесалонники) расположена на берегу Фермейского или Солунского залива (составляющего часть Эгейского моря) на склоне горы Кисса при устье реки Вардара. В древности Фессалоника называлась Галией, потом Фермами. Филипп, царь Македонский (360–336 до Р. Х.), расширил этот город и в память победы над фессалийцами назвал Фессалоникой. Кассандр, царь Македонский († 296 до Р. Х.), перестроил Фессалонику. В 168 г. до Р. Х. Фессалоникой завладели римляне и она сделалась столицей целой области. Христианство насаждено здесь святым апостолом Павлом. Во времена Византийской империи это был один из самых торговых и богатых городов империи, почему Фессалоника часто подвергалась нападениям разных жадных до корысти народов: готов, славян (VII в.), сарацин (X в.), норманнов (XI в.) и латинян, основавших здесь в XIII в. свое королевство. В 1222 г. Фессалоникой овладевают эпирские деспоты, а в 1246 г. она переходит к венецианам, а потом опять к грекам. В то же время Фессалоника была одним из важных центров византийской религиозной и умственной жизни. В XIV столетии особой славой пользовалась так называемая фессалоникийская школа ученых: Нил и Николай Фессалоникийские и свт. Григорий Палама. В 1430 г. Фессалоникой завладели турки, которым она принадлежала до 1912 г., являясь одним из важнейших торговых пунктов после Константинополя. — *Примеч. пер.*

⁹² Фессалия в древности составляла восточную часть северной Греции, с рекой Пенеем (ныне Саламврия) и горными хребтами Оссой, Павдом и Олимпом. Славилась плодородием своей почвы и имела густое народонаселение. В 1393 г. Фессалия подпала под власть турок. С 1881 г. присоединена к Греции (вилайеты Трикала и Лариссы) и считается житницей ее. — *Примеч. пер.*

⁹³ Македония — страна на Балканском полуострове. Благодаря обилию рек и плодородию почвы, Македония в древности считалась богатой страной. Здесь добывалось золото, серебро, алмазы, разводили плодовые деревья; лес и скот составлял предмет македонской торговли. В Македонии было немало благоустроенных и богатых городов. — *Примеч. пер.*

⁹⁴ Фессалоника была главным городом самого важного округа византийской империи как в торгово-промышленном, так особенно в стратегическом отношении. Правителями (дуками) сюда обычно назначались царские родственники. Несомненно, что и лица, занимавшие другие должности административного или иного характера, должны были чем-нибудь, хотя бы знатностью рода, выдаваться среди других (ср.: *Скабалланович Н.А.* Византийское государство и Церковь в XI в. СПб., 1884. С. 223). — *Примеч. пер.*

и началось, то без науки и добродетели оно звероподобную и неразумную проводило бы жизнь, так как люди, подобно скоту в хлеву, вступали бы в сношения друг с другом без всякого смысла; даже и городом не может называться вообще, по словам мудрых, такой город, в котором отсутствуют науки. Что же касается любезного нашего отечества⁹⁵, то мы смело скажем, что оно имело такое обилие наук и искусств, что не только само ими пользовалось, но и другие города, даже большие и знаменитейшие, ими услаждало. Богатства же добродетели и святости⁹⁶ его невозможно выразить словами, можно только, взирая на некоторые одушевленные изображения и молчаливую проповедь, с изумлением познавать дерево (см. Мф. 12:33; Лк. 6:44) от плода и корень от побегов.

Как не упомянуть при этом о славном военачальнике⁹⁷ этого города и всегдашнем заступнике и хранителе его, громкая слова которого, как говорится⁹⁸, доходит до небес, а чудесами полны земли, острова и концы вселенной, благодаря которому он (г. Фессалоника) еще более делается славным и знаменитым, так как часто приходится с удивлением слышать о нем при рассказах о его деяниях!⁹⁹ Ибо то, что делается (в нем) при нынешнем всеобщем беспорядке и замешательстве, так для него необычно и так чуждо прежнему благодродству и возвышенности чувств (его граждан), что должно быть признано за несчастную случайность и болезненное явление более, чем за дела, совершенные с твердым намерением, серьезно и обдуманно, в здравом и нормальном состоянии. Ей! можно с полной справедливостью сказать, что (это дело) не совета (*βουλής*) или знатнейших, не несчастной и враждебной судьбы¹⁰⁰, как сказал бы кто-нибудь, но сильного и беспорядочного человека, не туземца, но из числа пришедших с крайних наших границ варваров, а также беглецов из окрестных островов, по необходимости туда собравшихся.

Великий Давид назвал бы их людьми кровей (см. Пс. 5:7) и лукавства, которых безрассудство и низость делает пленниками, водимыми туда и сюда какими-нибудь двумя или тремя жокаками черни, или пьяницами, или дикими тифонами¹⁰¹, или не знаю, как и назвать достойно их негодности, оказавшихся недостойными этого дивного города, не знаю, как их терпящего, ибо они сделали его, известного древле всем прекрасным, – увы! – известным ныне по всему худому, оказавшись негодными и совершенно безрассудными, явными губителями и отступниками Царства Божия и Его Церкви, а также скверными опустошителями и губителями человеческого рода. Получив злодейски, благодаря некоторому счастью, неограниченную власть, они наполнили гнусными убийствами и противоестественными преступлениями не только Фессалонику, но и всю почти римскую страну, так что в сравнении с этим страдания иудеев во время осады Иерусалима, описанные Иосифом¹⁰², ничто, не говоря уже о бедствиях Илиады¹⁰³ и ужасах Трои¹⁰⁴или Лемноса¹⁰⁵, которые вошли в поговорку у древ-

⁹⁵ Разумеется г. Фессалоника. – *Примеч. пер.*

⁹⁶ с половины IX до начала XIII в. Казань, 1894. С. 51; Луг духовный. СПб., 1896. § 69, 70). – *Примеч. пер.*

⁹⁷ Разумеется вмч. Димитрий Солунский, пострадавший за Христа в 306 г. Нетленные и мироточивые мощи его сохранились в Солуни до завоевания ее турками (*Сергий, архиеп.* Полный месяцеслов Востока. Т. II. С. 412). Память его празднуется 26 октября. – *Примеч. пер.*

⁹⁸ Одиссея. 108.

⁹⁹ В житии вмч. Димитрия сообщается о многочисленных случаях его посмертного заступничества за родной город. – *Примеч. пер.*

¹⁰⁰ 1860; Никифор Григора. Римская история. Кн. 5, гл. 7. СПб., 1862).

¹⁰¹ Чудовищами. Тифон (*Υφώς*) в греческой мифологии сын Тартара и Гай, мифическое чудовище, имевшее сто огненных голов, восставшее против Зевса и низвергнутое им в Тартар. – *Примеч. пер.*

¹⁰² Иосиф Флавий – еврейский историк (род. в 37 г. по Р. Х.), описавший в своем произведении «De bello judaico» («О иудейской войне») разрушение Иерусалима римским полководцем Титом в 70 г. по Р. Х. Это сопровождалось страшными бедствиями для евреев, которых погибло тогда общей сложностью 1337 490 человек и больше 100 000 взято было в плен.

¹⁰³ Илиада (*Ιλῆς*) – Троянская область, на территории которой разыгралась Троянская война (за 1500 лет до Р. Х.), описанная знаменитым поэтом Гомером. – *Примеч. пер.*

них. Эта общая болезнь, как я сказал, овладев вследствие чрезвычайной злобы несчастным родом людским, сделала единоплеменников, достойных сожаления, противниками, наглых и дерзких восстановила против благоразумных и благородных, так что отрока, как говорит Писание (см. Ис. 3:1–5), стали предпочитать старцу и простолюдина вельможе, и не только (как тогда) в Иерусалиме и Иудее, заключавшей один народ в небольшой части мира, но и по всей почти вселенной не стало ни вождя и сильного, ни благого советника и разумного слушателя, но места вождей заняли юноши и владыками стали наглецы, (выражаясь) словами того же Исаии. Поэтому не должно осуждать¹⁰⁶ один из лучших городов из-за последовавших несчастных случайностей, но должно более восхвалять за прежние славные дела. И это вполне справедливо. Ибо людей, потерпевших несправедливо неудачу, мы все обычно не только не укоряем, но еще прославляем, по сострадательности души, – даже охотно хвалят такого (если это будет) хороший (человек), – и не найдется никого, кто отказал бы ему в своей помощи, будет ли то человек или целый город, если только они, оказавшись в крайне бедственном состоянии, вынуждены были поступить ниже своей добродетели и достоинства.

¹⁰⁴ Троя – главный город малоазийской области Троады (на северо-западном берегу), где имела место описанная Гомером Троянская война, продолжавшаяся девять лет и закончившаяся разрушением Трои. – *Примеч. пер.*

¹⁰⁵ Лемнос (*Λήμνος*), остров в северной части Эгейского моря. Первоначальные жители его – пеласги в одну ночь были умерщвлены собственными женами за предпочтение им иностранок (*Dictionnaire universel d'histoire et de geographie* par M.-N. Bouillet. Paris. P. 1025).

¹⁰⁶ Вот высокий пример горячей любви к родине и достойный образчик любви к человечеству, хотя и грешному, но родственному всем нам! И это говорит человек, получивший строго аскетическое воспитание! Значит, истинный аскетизм не подавляет лучших чувств и стремлений, но возгревает их! – *Примеч. пер.*

3

Подобным образом пусть справедливо рассудит, как сказано, любомудрый слушатель и относительно его (Саввы) отечества, справедливо ли или с некоторым пристрастием это сказано. Что же касается благородства, а также добродетели родителей его, которую они и живя вместе, и разлучившись по любви к божественнейшей философии¹⁰⁷ впоследствии выказали, то много (самых) разнообразных тому доказательств, которыми полна страна фессалийцев и македонян, и даже за ними находящаяся, как я узнал из рассказов: благоговение по отношению к Богу и строгое благочестие даже в мелочах, чистота жизни, чуждая какому-нибудь хищения и любостяжания, сердечная сострадательность по отношению к общему естеству, забота о домочадцах¹⁰⁸, воздержание тела и ярко вместе с этим сияющее целомудрие, многим желательное, но только лучшими как следует совершаемое, а самое наилучшее и возвышеннейшее, чем они особенно от других отличались, это простота обращения, приличие по отношению ко всем и скромность, так что они в одно и то же время были велики и смиренны. И хотя благородством происхождения и мирской славой и другими преимуществами они превосходили, как сказано, других и поэтому могли бы иметь о себе высокое мнение и считать себя выше своих единокровных, однако, по сердечной простоте и душевной чистоте и боголюбию, они называли себя самыми последними и ничтожнейшими из рабов, будучи боголюбивыми и верными подражателями Христа, Который везде выше всего ставил скромность, о чем учил и чего пример показывал, и подражая великому Павлу, который хотя не от человеков и не через человеков апостольство получил, так что и сосудом (см. Деян. 9:15) избранным от поставившего его Господа был назван, и на небо был восхищен, и сподобился слышать неизреченные глаголы, однако называл себя последним из апостолов и недостойным даже имени апостольского. Достойные такого отечества, как хорошо охранившие на последующее время древнее благородство подлинно золотого его рода, который украшался милосердием и простотой, они оказались вполне достойными вследствие этого быть родителями такого дитяти. Таким образом, рождение добродетельного Стефана, ибо так они знаменательно или, лучше, пророчески назвали своего сына, было им наградой и венцом¹⁰⁹ славы за их стремление к добродетели и нравственную высоту. Ибо нужно было, чтобы он, как имевший быть некоторым божественным и общепольным для людей даром, имел и соответственное этому начало, так чтобы не только дерево (Мф. 12:33; Лк. 6:44) от плода, но и плод от дерева можно было (легко) узнать, ибо никак невозможно, согласно Божественным словам, от терновника собирать смоквы и от репейника виноград (см. Мф. 7:16; Лк. 6:44), но хороший плод происходит от хорошего дерева и корню соответствуют ветви. Что это и здесь прекрасно осуществилось, будет видно из последующего рассказа.

¹⁰⁷ Божественной философией называется здесь подвижническая жизнь. Еще историк Сократ Схоластик (IV в. по Р. Х.) писал об Евагрии, что он, «быв прежде философом на словах, стяжал философию на самом деле», сделавшись учеником великих египетских подвижников Макария Египетского и Макария Александрийского (см.: Церковная история Сократа Схоластика. СПб., 1850. Кн. 4, гл. 3. С. 354).

¹⁰⁸ Вообще отношения между господами и слугами в Византийской империи, по словам исследователей, отличались, благодаря влиянию христианских идей, большей нормальностью, чем на Западе. Здесь даже рабство не имело таких уродливых форм, как в других странах. Еще одно доказательство того, что византизм нельзя отождествлять с отсталостью и тьмою (см.: Скабалланович Н.А. Византийская церковь и государство в XI в. от смерти Василия II Болгаробойцы до воцарения Алексея I Комнина. СПб., 1884; Всеобщая история с IV столетия до нашего времени / Под ред. Лависса и А. Рамбо; пер. В. Неведомского, М. Гершензона: В 8 т. М., 1897–1903).

¹⁰⁹ Стефан (*στέφανος*) по-гречески – венец.

4

Происшедший от таких родителей благородный Стефан был отдан в очень юном еще возрасте в обучение¹¹⁰ учителям и наставникам и, к природным способностям присоединив отличное прилежание, в короткое время далеко превзошел своих сверстников, проводя большую часть времени в изучении наших священных наставников и наук, заранее уже посвящая им себя и (предначертывая) некоторые образы последующего расположения и немного только познакомившись с науками общеобразовательного характера и лучшими поэтами. Ибо должно было ему, как он весьма разумно полагал, знать и внешние науки, чтобы иметь их содействующими и способствующими к исследованию полезнейшего и не хромать умом с этой стороны, но иметь его трудносовратимым с прекраснейшего пути созерцания (τ# #εωρητικ# τ#ς ψυχ#ς), что, как мы видим, многие из ревностных обыкновенно терпят, так как он затемняется от незнания Писания¹¹¹, которое производит отсутствие науки, пробуждающей, как бы от естественного сна, природный наш ум и руководящей им в изъяснении сокровенного. Поэтому, немного познакомившись с исследованием о словах и предложениях, чем занимается обычно грамматика, он всецело предался чтению нравственных и назидательных сочинений, приобретая от них себе душевную пользу. Что же касается историков и поэтов, то, люботрудно выбрав из них то, что вело к цели и поощряло душу к мужеству¹¹², все баснословное¹¹³ и излишнее, как пустую болтовню и просто кознь для души, он отбросил прочь. Вследствие этого он всем был любезен и всех поражал своим прилежанием и разумом, будучи любим учителями, а из сверстников своих и вообще имевших отношение к нему по учению более простым являясь примером, а более разумным доставляя некоторое неизреченное удовольствие и руководство и прекрасное побуждение к добродетели, будучи в

¹¹⁰ Благодаря покровительству византийских императоров образование в Византийской империи процветало и в рассматриваемое время было довольно высоким. Существовало много разных светских и духовных школ в разных городах Византии. В них преподавались: грамматика, риторика, философия, под которой разумелись и богословские науки, астрономия, геометрия, арифметика и музыка (или словесность). См.: *Лебедев А.П., проф.* Исторические очерки состояния Византийско-восточной Церкви от конца XI до середины XV века. М., 1902. С. 270.

¹¹¹ Взгляд святоотеческий. Святые отцы смотрели на Священное Писание как на книгу, показывающую путь к Богу и истине, считая изучение его необходимым и неотложным делом для каждого. Необходимой подготовкой к этому они считали изучение наук светских. «Пока мы еще молоды, – говорил св. Василий Великий, – чтобы постигнуть его глубокий смысл, мы изоощряем свои умственные способности на других сочинениях, как на тенях и на зеркале...» «Нужно приготовиться изучением летописцев, ораторов, философов», «углубиться сначала в эти внешние учения», чтобы потом ознакомиться во всей полноте и глубине со святыми и таинственными учениями (*Свт. Василий Великий. Беседа 22. К юношам*). См.: *Дериов А., прот.* Чтения по Закону Божию. Об истинно-христианском воспитании. СПб., 1913. «Я не желаю, – говорит св. Григорий Богослов, – ни золота, ни серебра, ни шелковых тканей, ни ослепительно сверкающих драгоценных камней... Я желаю только одного: силы знания и слова...» Далее он превозносит красноречивые слова пред трибунами судей и похвальные речи: «Исторические знания составляют для его ума, – по его словам, – драгоценное сокровище... Мы не должны пренебрегать и грамматикой, которая делает речь правильной и изящной... Весьма важно также приобрести знание логики и навык в диалектических спорах... Не менее заслуживают внимания учения касательно нравственности и тщательные изыскания тех ученых, которые проникли в тайны природы... После того как я пройду в юности этот курс наук, я предаюсь изучению Божественного откровения, я пойду за светом Его учения... Сам Христос будет мне помощником... Он поможет мне войти в небесные обители... Там... я буду созерцать (истину) в полном ее свете» (*Свт. Григорий Богослов. Стихотворения исторические. 4. От Никовула-сына к отцу*). Вообще святые отцы не отрицают важности изучения светских наук. «Учители Церкви, – писал еще историк Сократ, – издревле, как бы по какому общепринятому обычаю, до глубокой старости занимались греческими науками» (Кн. 3, гл. 16. СПб., 1850). – *Примеч. пер.*

¹¹² «Добродетелей и умозрений о них четыре: разумность, мужество, воздержание и справедливость. Дело разумности – созерцать умственные и святые силы без причин, так как причины открываются мудростью. Дело мужества – стоять в истине и, хотя бы встретил противоборство, не уклоняться к несущему. Принимать семена от первого земледельца (Бога) и отвращаться от последующего сеятеля (диавола) значит быть воздержным. А справедливость состоит в том, чтобы выражаться сообразно со свойствами каждого предмета» (*Сократ Схоластик. Церковная история. Кн. IV, гл. 23*). – *Примеч. пер.*

¹¹³ В рассматриваемое время в Византии господствовало сильнейшее увлечение произведениями классической древности, полными мифов, проникшее и в школы (см.: *Лебедев А.П., проф.* Исторические очерки... С. 370). – *Примеч. пер.*

то же время по своей высокой жизни и обильной добродетели страшен и недоступен худым, испорченным и распущенным. Вообще же он был приятен и любезен всем вследствие того, что никогда ни в чем не показывал мрачности и нелюбезности, но проливал в души всех удовольствие и молча, и говоря. При душевной доблести он был и телом крепок, обладая соразмерностью членов и будучи благолепен лицом, что, вместе со знатностью рода, обращало на юношу внимание не только наставников, сродников и сверстников, но и всего почти города – начальников и подчиненных, мудрых и невежд, людей всякого возраста и всякого звания. Что же касается любви к нему родителей, то хотя бы они были и не так добродетельны, она была бы велика не только потому, что они были родители, но и потому, что это было удивительное дитя, далеко всех превосходившее своими качествами. Будучи же такими, что ежедневно представляли возлюбленному пример добродетели в делах и словах, надеясь, что он будет достоин отеческой молитвы, – ибо с самого начала видно уже было, насколько этот прекрасный сын имел превзойти своих родителей, – какой радости они были полны и какое удовольствие и любовь к нему пред посторонними выказывали, а еще более, каких благодарений не воздавали они даровавшему его им Богу и какой не выражали к Нему от души любви!

5

Так Стефан был у всех на устах и в сердце и был украшением города, а отец старательно упражнял душу его и учил добродетели делом и словом, стараясь при этом, чтобы он, кроме этого, приучался и к телесному упражнению, и к военному искусству, так как они оказались в одном и том же полку. Но он, зная, что телесное упражнение мало полезно, как говорит великий Павел (см. 1 Тим. 4:8), старался больше о душевном, презирая настоящее, как не существующее, и взирая на будущее, как постоянно пребывающее, и направляясь к цели – *почести высшего звания* (Флп. 3:14). Поэтому покой и роскошь и бесчинные игры и смех и низкие удовольствия, которым обычно предается неосторожная юность, он счел приличным самым низким и неразумным и, возлюбив воздержание и связанное с ним целомудрие, внимал себе всегда, взыскивая Бога ежедневно с сердцем сокрушенным и духом смиренным.

6

И вот Призывающий на кроткого и молчаливого и Знающий сущая Своя Господь, подобно великому Павлу и сего избрав (см. Гал. 1:15) от утробы матери, предвидя, что он будет сосудом избранным, зовет и его незримо к духовным подвигам, Свои овцы глашающий (см. Ин. 10:3) по имени. Поэтому, изменив ни во что и отечество, и род, и славу, и любовь родителей, он, немного только превысив юношеский возраст, тайно выходит из отеческого дома и города, ничего не имея с собою, кроме одного Христа и чрезвычайной любви к Нему, через Которого он, по великому Павлу, умер (Гал. 2:20) уже для мира и весь мир умер для него, так что уже не он жил, но жил в нем Христос, искупивший его Своею кровью. Охотно следуя призывавшему его Господу, он достиг священного Афона, Афона золотого и любезнейшего и виновника всего наилучшего, особенно для меня, который мне вместе с другими и прежде других показал этого светильника и вождя, хотя до конца жить с ним – о беда! – лишил меня завистник. Итак, вступает благородный атлет¹¹⁴ в место состязания подвижников, честную разумею Гору, отечество монахов, небесный (см. Евр. 12:23) Иерусалим, истинную митрополию первенцев¹¹⁵, на небесах написанных, с такою охотою, душевным удовольствием и любовью, как сам потом говорил, с какою и Моисей великий не восходил на Синай. Ибо если тот вошел внутрь огня и облака, когда молнии и громы, мрак и буря ужасали других и производили поразительную картину, – ибо видимое действительно было полно ужаса, а именно, что человек входит в огонь с этим вещественным и бранным телом и делается общником неизреченного и видит Божество в священных символах, почему и лицо его прославилось, так что никто не мог взирать (Исх. 19:18; 20:18; 34:30–35) на него без ограждения и покрова, – то этот вошел не во мрак и огонь и взошел не на дымящуюся гору при звуке труб, но взошел, как ему думалось, на самое небо и увидел, казалось, доступное видению (см. Мф. 5:8) чистых сердцем торжество Ангелов и собор небесных первенцев, невозмутимо на Бога взирающих кротко и радостно. Это он и на самом деле потом удостоился видеть, как явит дальнейшее повествование.

¹¹⁴ Слово «атлет» указывает на встречающуюся еще в Посланиях ев. апостола Павла спортивную терминологию, образно применявшуюся к христианскому подвижничеству. – *Ред.*

¹¹⁵ Так же высоко отзывается об Афоне патриарх Филофей в другом своем произведении. См.: *Порфирий (Успенский)*, *еп.* История Афона. Ч. II. Отд. втор. С. 828; «Το# #γιωτάτου καί σο#ο# π. Φίλο#έου πρὸς τὸν #λόσο#ον Γρηγοράν λόγος ἀντιρρητικός ἱβ. ὑπ#ρ τὸν #ν τῷ #γίω ὅρει τῷ 'Α#ω μοναστὸν καὶ τὸν ἱερός #συχαζόντων #κεί». – *Примеч. пер.*

7

Обрати при этом внимание на благородство и мудрость этой великой души с самых, как говорят, первых шагов. Ибо он, не просто вступив в эту священную страну и удостоившись получить высокую и явную благодать и не в течение краткого времени побеседовав и поговорив с дивными ее гражданами, как поступают исследователи городов и местностей, расположенных на материке и на море, или как некогда поступали слушавшие певцов и кифаредов для удовольствия и наслаждения, стал потом думать о возвращении, считая, что достаточно одного только этого, как, мы видим, многие по большей части делают, и не пребыл только здесь, но без достаточного терпения, или хотя и с терпением и подобающим мужеством, но не до конца, или и так, но бесцельно и безрассудно и притом недостойно себя и истинной мудрости и Самого Призвавшего, но с разумом, обдуманно и благообразно, как, думается, некоторые немногие из древних, о которых, как о каких-нибудь странах и образцах прекрасной жизни, повествуют рассказы отцов. Ибо мудрейший избрал для себя наилучшее, рассудив, что душа, не привыкшая подчиняться, чужда смирения, а вследствие этого и к восприятию учения как бы от природы не приспособлена, а склонная к послушанию и смирению, напротив того, способна и ко всякому какое оно ни будь обучению, особенно к дивной этой философии¹¹⁶, так как таким образом искореняются и уничтожаются долговременные привычки и навыки, а также мысль о том, будто мы что-нибудь знаем¹¹⁷, как бы некоторое тернистое и негодное вещество или пагубные звери, разумею нечистые страсти, и бывает пажитью и местом всякого хорошего и не смешанного с плевелами (Мф. 13:24–25) семени, с подобающим потом добродетели бросаемого и в свое время различные произрастания добродетели произрастающего до полной меры в сто крат (Мф. 13:8, 23), по слову Господню. Помыслив это вполне достойно себя и Призвавшего его и как атлет, окидывающий взором ристалище от начальной черты до самого конца, представив себе будущее, он входит в честной состав тех священных философов с должным усердием и видом, исследуя трудолюбие, род жизни каждого наставника (*μυσταγωγόν*), испытывая, так сказать, сколько возможно, их нравы и учение и из всего собирая себе духовную пользу. Потом, выбрав самого славного и мужественнейшего из всех в аскетических подвигах, старца возрастом и старейшего по добродетели, вследствие этого почитавшегося многими великим, там где-то посредине¹¹⁸ божественной Горы (где и общественное Управление (то *Κοινόν Αρχεῖον*) главы (*προκαθημένον*) монашествующих честно помещается) устроившего свое аскетическое жилище (*ἡσκητικὴν οἰκίαν* *πηζαμῆνον*), славный Стефан избирает его учителем своим и во всем руководителем и путеводителем к Богу и господином и с самого начала радостно и мужественно вступает в поприще монашеской или, лучше сказать, ангельской жизни. И принимает от учителя постриг, как это в обычае у монахов, отвергнув все излишнее и тщеславное и оставив мертвое и грубое вещество мертвым душою и приняв через священные призывания печать¹¹⁹ Христову, которую не знаю, как должно назвать, покаянием ли и началом новой жизни, или как бы обновлением единой и первой печати великого крещения, или тем и другим вместе. В это духовное всеоружие светло облекшись, он зачисляется в Божие воинство и выступает, дивный, против всей силы враждебных духов, названный Саввой вместо Стефана, чтобы и по пере-

¹¹⁶ Разумеется подвижническая иноческая жизнь.

¹¹⁷ Мысль тайной гордости, с которой приходится бороться подвижникам, вкусившим мирской науки. – *Примеч. пер.*

¹¹⁸ Близ афонского монашеского городка – Кареи, где издревле находилось главное афонское Управление, потом получившее название Протата. Здесь жил и глава афонского монашества – прот. См.: Βλάχος Κ. Ἡ χερσὸννησος τοῦ ἀγίου οὐροῦς "Αθῶνς. Εἰς Βόλω, 1903. Σ. 149.

¹¹⁹ Разумеется монашеский постриг. – *Примеч. пер.*

именовании быть общником Петра и Павла и сынов грома (см. Мк. 3:17), славных учеников Христовых, нисколько не уступая им ни в их ревности, ни в вере.

8

Какую проявил при этом благородный душевную силу и терпение, а также постоянство в подвигах или, лучше, с каким удовольствием и легкостью день и ночь принимал для многих неприятное и трудное, как молоко и мед пия, как сказано, глумления (Иов. 34:7) и, как некоторую духовную амброзию, оскорбления и поношения, а иногда принимая и побои (πληγῶν προσέμενος τράπεζαν)! Ибо учитель его был, как я только что упомянул, суров и строг как вследствие чрезвычайно жестокого образа жизни, так и по причине природного довольно нелюбезного склада (φυσικὴν τῶν στοιχείων κρῆσιν). Испытанное им мы частью сами видели¹²⁰, а больше узнали от достоверных лиц, поэтому о том, о чем я упомянул вкратце, пусть расскажут знающие это по личному опыту, если кто-нибудь из них еще в живых, которые многих из подвижников и тогда, и в недавнее время только одними рассказами о его делах укрепили в подобной же ревности и мужестве. Но еще более он имел подражателей среди любителей послушания тогда, когда видим был в подвиге, являясь в одно и то же время и первым борцом и учителем подвижников, и неподражаемым победителем. Так было и позже; при рассказах о нем в души слушателей западало как бы какое-то поразительное жало, побуждавшее их к горячему подражанию, хотя все мы по отношению к нему и его течению были как пешие в сравнении с лидийской колесницей¹²¹. Ибо дивный Савва действительно как-то особенно изумительно просиял послушанием и смирением, настолько превзойдя славившихся этими добродетелями, насколько виновник дня – великое солнце – превосходит являющиеся ночью звезды. Так все граждане священной той общины и говорили, и думали.

¹²⁰ Вероятно, следы побоев. – *Примеч. пер.*

¹²¹ Лидия – область в Малой Азии в древности, с главным городом Сардами. До покорения персами (в 548 г. до Р. Х.) лидийцы были народом воинственным и их конница (с колесницами) считалась самой лучшей. – *Примеч. пер.*

9

Я, однако, кроме всего другого, особенно удивляюсь, священнейший и мудрейший из людей, тому, что ты, недавно еще оставив отеческий дом и образ жизни, который свойствен любимым детям знатных особ, и имея вследствие этого не только тело, но и душу совершенно не приготовленными к такому злостраданию, не только кротко и терпеливо переносил суровость и неприятность чрезмерного воздержания, изнуряя себя голодом, жаждой и всенощными бдениями и стояниями, нисколько не смущаясь ничем непривычным и чрезмерным, но и, каждый день поносимый, при этом и постоянные насмешки и брань с частыми побоями принимая, не только мужественнейшим образом и лучше других когда-либо существовавших славных подвижников выносил, но, хотя все это каждый день и с значительной еще прибавкой тебе приходилось испытывать, ты нисколько не считал невыносимым, радуясь в своих страданиях, согласно словам (см. Кол. 1:24) великого Павла, и восполняя в плоти своей недостаток скорбей Христа, Первого делом навывкшего послушанию и прославившегося страданиями, а вместе с тем прославившего с Собою и общников Своих страданий через (послушание). Поэтому ты не только не питал по отношению к отцу ничего неприязненного и враждебного, но мысленно каждый час целовал его и как бы сросся с его членами, одного его признавая и отцом¹²², и спасителем после Бога, более любя его, чем родителей, и всей душой предпочитая его последним – благоговевя в то же время и пред Творцом и Спасителем Богом – и нося в своей душе как бы некоторый оттиск или своего рода изображение его¹²³ и через него тою же честью почитая и Бога. Ибо ты признавал его в некотором смысле творцом лучшего и божественнейшего в себе творения и, после Единого Спасителя, спасителем или, лучше сказать, совершителем того же самого истинного и первого спасения.

¹²² Самый удобный и не приводящий к падениям путь ко спасению, по словам опытных подвижников, состоит в том, чтобы, избрав искусного старца-руководителя, всецело предаться ему, как железо кузнецу, и без совета с ним не принимать ничего. См. книги аввы Дорофея, Иоанна Лествичника, епископа Феофана Затворника и др. Также: *Искусль К. Старчество по учению святых отцов и аскетов*. М., 1907. – *Примеч. пер.*

¹²³ То есть старца.

10

Вследствие этого он (Савва) пользовался всеобщей известностью и был у всех на устах с удовольствием и удивлением, и все считали за счастье насладиться его беседою и видом, не только вместе с ним подвизавшиеся и сверстники – ибо губительной зависти не было (тогда), – но и старейшие по добродетели и по возрасту и превосходившие во всем других, те именно, которые, оставив общежитие (*τῆς ἑν τῇ κοινῷ διαίτης καὶ ομιλίας εαυτοῦς ἀποστῆναι*), избрали совершенно уединенный и отшельнический образ жизни, постоянно пребывая наедине с собою и Богом. Ибо их поражал в юноше седой разум (ср. Прем. 4:9) мудрого (Саввы), строгость подвижничества и твердость терпения, безукоризненное целомудрие как в словах, так во взоре и походке, а больше всего благородство души и чрезвычайная снисходительность ко всем, а также неизъяснимая приятность характера не столько природного, как кто-нибудь мог бы подумать, сколько приобретенного крайним послушанием, как то бывает с людьми, подвизающимися в этом на самом деле. Ибо от послушания происходит, говорят, высочайшее смиренномудрие, а из него рассуждение, светильник и путеводитель души, как его можно назвать, и вождь ко всему прекрасному. Когда же рассуждающая способность души освободится – как бы какой-нибудь глаз от загрязняющих его страстных течений¹²⁴, – тогда к ней возвращается после этого как бы естественная ее проницательность, и никакой обманчивый образ или фантастическое представление (ибо иное – истина, а иное – игра воображения) и ничто ошибочное или соблазнительное, служащее препятствием на прямом пути, не удаляет ее от священных святилищ бесстрастия и Бога. Но так как все просто для имеющих здравый ум и прямо для ищущих благодати, как говорит премудрый Соломон (Притч. 8:9), то и она (душа) непреткновенно и в высшей степени ровно идет тогда к соединению с Богом, все радостное и приятное в деянии и видении имея сопутствующим и последующим добродетели, почему вместе с внутренним спокойствием и тишиною бывает полна явной и наружной радости и добродушия. Так и он, мудро положив в основу корень этих дарований (послушание), как весьма немногие, после соответственных (трудов), и явившись дивным среди настоящих и имеющих быть, а равным образом и бывших раньше послушников, как мог бы не пожать с радостью происходящих отсюда плодов или, лучше, (как мог бы) не явиться приятным для всех, привыкших наслаждаться ими, что действительно и на самом деле было у него в большом изобилии, как выше было только что уже сказано. Но так как *трудящемуся земледельцу*, по великому Павлу, *первому должно вкушать от плодов* (ср. 2 Тим. 2:6), то и здесь превзошел всех других учитель его (тайновождь) любовью к нему и удивлением (пред ним) и всецело привязался к нему, побежденный прекрасными его качествами, хотя до этого времени он был крутой и суровый. Ибо учитель его, и раньше не вынося, чтобы он ему служил и хотя немного помогал в его старческих нуждах, теперь сам с удивительной сердечной готовностью служил ему, более того, он не смотрел уже на него как на юного и ученика, но в высшей степени почитал его за его душу и относился к нему с величайшим благоговением и уважением.

¹²⁴ Ρευμάτων – потоков.

11

Ничего нет лучше, как вспомнить здесь об одном или двух примерах усердия этого мужа к добру и благоговения к нему старца. Ибо, как ежедневно полагавший восхождения (см. Пс. 83:6) в своем сердце и восходивший *от славы в славу* (2 Кор. 3:18), он вызывал удивление и любовь всех близких и далеких, так что все были о нем самого высокого мнения, особенно его учитель; чем более он узнавал неведомые прочим достоинства его, тем больше исполнялся по отношению к нему благоговения и решил возвести его на высокое, соответственное его святости место и светильник поставить (Мф. 5:15) евангельски на подсвечнике, чтобы такой свет добродетелей и сокровище мудрости не было скрыто под сосудом смиренного мудрия. И задуманное он поспешил привести в исполнение, призвав имевших помазать¹²⁵. Явилось и обычное собрание, и приготовлено было все нужное для приема собравшихся, и не опущено было ничего из того, что требовалось для хиротонии. Но он далек был от того, чтобы отринуть любезное и обычное свое смирение и потерять самый низкий чин, которого он так сильно держался, как держатся самого высокого сильно ищущие первенства, и чтобы не потерять его, делают иногда и терпят крайне постыдное. Вследствие этого он был неумолим и непреклонен, называя себя недостойным столь великого дела, будучи на самом деле самым достойнейшим. Ибо мне думается, что если бы нужно было, чтобы этот божественнейший дар чудесно сошел на землю к людям для общего спасения рода человеческого и по чрезмерному человеколюбию Спасителя таким необычайным образом был дан людям, то никто не был бы предпочтен ему в этом, но он или первым был бы призван вместе с посвященными¹²⁶ сначала от Самого Слова, или вместе с некоторыми и весьма немногими. Столь велика была его чистота и святость! Но он, сравнивая себя не с другими (людьми), а с заповедью и таким образом взвешивая дело и слово и каждый день испытывая достигнутое, не столько смотрел на обилие приобретенного, сколько на то, чего еще недостает по отношению к подлежащему. И смотря на честность и мудрость души, как он тонко и остроумно принимается за дело! Ибо зная, что избежать великой чести по смиренномудрию есть самое большое величие и не желая явно противоречить каким-нибудь словом или делом родившему¹²⁷ духовно, в самое время священнодействия, когда, то есть, духовный совершитель (*τελεστής του πνεύματος*) намеревался вести его к хиротонии, он, никому ничего не сказав, молча удаляется и скрывается у одного чуждого подозрения лица, пока они, утомившись поисками его, хотя и знали, что напрасно стараются и пытаются связать неуволимого, и против воли с печалью и удивлением оставили его в покое, посвятив в сан пресвитера приготовившегося вместе с ним по обычаю, чтобы не напрасны были их старания и праздничные приготовления не окончились совсем печально и неприятно (в этом, сколько было возможно, и он потрудился пред своим бегством). Потом они разошлись по домам, неся, как бы какие подарки (*εφόδιον*), рассказы о муже и сообщая их с величайшей радостью и удивлением встречающимся. Дивный же тот старец казался весьма досадующим и обиженным, с трудом перенося неудачу, почему и обрушился с угрозами и бранью против отсутствующего, тысячи упреков высказывая по отношению к нему. Но когда он по истечении некоторого времени увидел любезного возвратившегося, припадающего по обычаю к ногам его и просящего с великим страхом и скромностью прощения, то тотчас оставил свои угрозы и тихо стал беседовать с ним, называя себя блаженным за то, что имеет такое чадо, удивляясь

¹²⁵ Разумеется посвящение в сан иеромонаха.

¹²⁶ Разумеются святые апостолы.

¹²⁷ Старцу.

величию его души и быстрому успеху в добродетели. Вот наилучший образец его благоговения по отношению к Богу и высоты его смирения!

12

Что касается его любви к ближнему, то есть много и другого достойного повести и воспоминания, а также и сейчас сообщаемое. Часто в течение года Савва был посылаем своим наставником к игуменам тамошних монастырей для доставления необходимого. Такой обычай был у всех тамошних безмолвников, которые даром получают от более достаточных необходимое для жизни, чтобы без развлечения заниматься Божественным служением, то есть безмолвием и соединенным с ним созерцанием¹²⁸ и молитвою. Старец его более других держался этого обычая, так как был и достоинством пресвитера почтен, и состоял врачом и судьей душевных немощей. Итак, уходит дивный ученик с обычным поручением в один монастырь (φροντίστῳ), отстоявший довольно далеко от жилища, ибо он видится вторым при входе на Святую Гору и расположен на морском берегу, так что при северном ветре вход его и крепостная стена омываются волнами. По отеческому приказанию он имел с собою спутника и товарища. Когда служение их приходило к концу и они, имея в изобилии все потребное, стали думать о возвращении, сильный душою и телом Савва и здесь, как и во всем, стал во главе (пути), неся¹²⁹ вместе с товарищем своим, как вьючное животное, и бремя ради Христа, чтобы по принятым там законам обуздать необузданность тела и совлечься, кроме того, погибельной гордости. Друг и сподвижник его, хотя у него ноша была гораздо меньше, чем у Саввы, стал отставать в пути. Савва, однако, терпел и сильно замедлял ход, нарочно сдерживая себя, часто останавливаясь и ободряя его как мог, делом и словом. Когда же он увидел, что тот, удрученный ношей, не в состоянии был, как говорится, и одного шага сделать, начал убеждать его возложить на него и свою ношу. «Ты ведь видишь, – говорит, – что я силен телом и в состоянии понести еще больше этого». Итак, взяв у него сумку и ношу и возложив все это на свои плечи, он, как птица, понесся на крыльях любви, так что спутник его не был в состоянии даже и по следам поспевать за ним, и опять начал сильно отставать. Чудный же путник – не столько по этому земному пути, сколько по пути высочайшей любви и Евангелия Христова – и опять терпел, любезно, кроткими словами с сердечным состраданием утешая его, а потом стал расспрашивать, не затрудняет ли его еще что-нибудь.

«Мне мешает тяжесть одежды, – сказал он, – особенно верхней, толстой и тяжелой». – «Так сбрось ее, друг, – сказал мудрый, – тогда будет гораздо легче идти, неся ее на плечах, чем теперь, когда ты как бы в каких оковах». Это была некоторая хитрость с его стороны или, лучше сказать, обман, чтобы таким образом искусно (*οικονομικῶς*) заставить его снять хитон и тем освободить брата от тяжести. И действительно, он достиг цели и не погрешил в своем расчете. Ибо и тому понравилось предложение друга, и он снял хитон, а труженик Царствия Небесного схватил его и, присоединив к остальной ноше, пошел опять вперед с прежним напряжением и усилием. Хорошо!

¹²⁸ Монашеская наука (знание), по словам прп. Кассиана, двух родов – практическая, то есть деятельная, состоящая в трудах по исправлению нравов, искоренению пороков и приобретению добродетелей, и теоретическая, состоящая в созерцании Бога и Божественных предметов, а также в познании сокровенных тайн. Первое является необходимой подготовкой для второго (Прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Творения. Собеседование XIV); последнее без умерщвления страстей невозможно. Удобнее всего такое освобождение от страстей достигается безмолвием и уединением, хранением сердца и блюдением ума, то есть непрестанным вниманием к внутренним душевным движениям с покаянным настроением, частыми слезами, памятью о Боге и частым повторением Иисусовой молитвы. Высоты созерцания достигали очень немногие, как, например, прпп. Антоний Великий, Арсений Великий, Иоанн Лествичник и т. д. В XIV в. главным центром созерцательного подвижничества был Афон, а высокими представителями созерцательной жизни – его подвижники: свв. Григорий Синаит, Григорий Палама и др. См.: Παπαμυχαῖλ Γ. Ο "Αγιος Γρηγόριος Ὑπάτις, ας. Πετρούπολη; 'Αλεξάνδρεια. 1911. Σ. κα – κρ, 44–48. – Примеч. пер.

¹²⁹ Афонские подвижники в древности на себе переносили тяжести, из подвижнических видов чуждаясь помощи животных. См.: Помяловский И. Житие прп. Афанасия Афонского. СПб., 1895. – Примеч. пер.

13

И вот, должно быть, восьмой уже год оканчивал в таком дивном подчинении подвижник Христов. Корабль был уже у него полон, как говорится, товаров добродетели, и он в большой мере превосходил славными своими делами не только современных ему сподвижников и «товарищей по плаванию», как только что было сказано, но и бывших раньше его. Однако благодать Божия звала его к высшим подвигам, сильно побуждая ступить на состязание в Олимпийских¹³⁰ своего рода играх, так как он был хорошо умашен и приготовлен к этому, как требовалось от борцов. И смотри, как и это дивно устраивается

Устраивающим противное противным, чтобы это явилось еще более дивным! Скипетром римского царства владел тогда не кто иной, как Андроник¹³¹, именно второй из Палеологов. В это время итальянцы¹³², по злой судьбе устремившиеся из Сицилии к союзу с римлянами, нарушили договор и сперва, как вихрь, безжалостно опустошают Фракию¹³³, одни села и города еще до своего нашествия лишив жителей, разбежавшихся от одного страха пред ними, а другие сделав опустошенную степью и городами кровей (см. Поил. 2:3; 3:19) или, лучше, кладбищами вместо городов и никому ни в чем не оказав никакой милости, но просто-напросто всякий возраст и пол предав мечу, не щадя даже несчастных младенцев, но и их предавая напрасной смерти и горько истребляя огнем и мечом. После этого, соединившись с древними и нынешними губителями вселенной, разумею достойных всевозможных поношений Ахеменидов¹³⁴, и вследствие этого сделавшись еще более дерзкими и неистовыми, они вскоре начали делать набеги и на македонян, имея в виду и Фессалию. Тогда державный¹³⁵, как и следовало, боясь за все, а особенно имея в уме дивный

Афон и решив во что бы то ни стало спасти сонм тех святых, ибо таким образом он думал и царство спасти, и не лишиться тех полезнейших ожиданий¹³⁶, так как не войском и оружием он думал защищаться, но решил, как говорится, предпринять новое плавание. И вот стали получаться собственноручные письма его к ним, чтобы обитающие поодиночке или по двое (живущие) повсюду на Горе по любви к безмолвию – разумею самые малоукрепленные из монастырей или вообще легко имеющие быть взятыми врагами по причине худых стен и небольшого количества обитателей – переселились в более сильные крепости, а желающие как можно скорее перешли бы для безопасности в ближайшие города, *укрывшись на мгновение*, по словам великого Исаии, *доколе не пройдет гнев Господень* (Ис. 26:20). Когда узнало об этом великое и боголюбезное то братство (*φατρία*), то одни порешили до конца сохранять первоначальную решимость, считая как бы изменою отступать от этого и говоря вместе с пророком: *куда пойду от Духа Твоего и от лица Твоего куда убежу?* (Пс. 138:7),

¹³⁰ В Древней Греции, в г. Олимпии в Элиде, в честь Зевса через каждые четыре года совершались разные состязания, известные под именем Олимпийских игр. Оказаться победителем на них и получить в награду лавровый венок для грека было верхом желаний. Выступлению на Олимпийских играх предшествовала долгая тренировка, приготовление, а перед самым выступлением борцы намащались. Святые отцы, следуя за апостолом Павлом (1 Кор. 9:24), сравнивают с Олимпийскими играми подвижничество, борьбу с диаволом (см.: *Прп. Иоанн Кассиан Римлянин. Собеседование XIV*). – *Примеч. пер.*

¹³¹ Андроник II Палеолог родился в 1281 г., царствовал до 1328 г., скончался в 1332 г.

¹³² См.: Введение. Римское царство – Византийская империя.

¹³³ В древности – страна на север от Македонии, в рассматриваемое время – особая византийская область (фема) к северу от Фессалоники, между Эгейским и Черным морями. – *Примеч. пер.*

¹³⁴ Ахемениды – собственно, древний персидский царский род, в переносном смысле – турки. См.: *Dictionnaire universelle de histoire et de geographie par M.N. Bouillet. P. 11; Του άγιου π. Φιλόθεου λόγος αντιρρητικός ιβ... Порфирий (Успенский), еп. История Афона. Ч. III. С. 851. – Примеч. пер.*

¹³⁵ Андроника III или Младшего. См.: *Порфирий (Успенский), еп. История Афона. Ч. III. Отд.2. С. 173. -Примеч. пер.*

¹³⁶ Разумеются награды на небе. – *Примеч. пер.*

почему и не было никого из них, кто бы пытался оставить священное общежитие (*συννοικία*,) или аскетическую каливу, предпочитая на месте умереть скорее, чем опасаться бегством. Другие же, повинувшись закону, повелевающему бегать во время гонения из одного города в другой и подражая великому Павлу, который хотя каждый день умирал и «имел желание разрешиться и быть со Христом», однако то, спустившись в корзине со стены Дамаска (см. 2 Кор. 11:32), тайно спасается от рук князя (этноарха), то апеллирует к римлянам, убегая от кесаря (см. Деян. 28:19, 20), избивавшего народ иудейский, устремились в города и острова с находящимися в них удобными для уединения горами. Однако сетование и печаль овладели всем священным тем собранием, и оно было полно смущения, будучи не в состоянии переносить разлуки.

14

Тогда и руководитель дивного Саввы был в числе избравших бегство и, выбрав для поселения вместе с некоторыми из подвижников Фессалонику, селится вместе с ними при одном из тамошних храмов, посвященном Божией Матери, ибо он так был изнурен глубокою старостью и такое имел болезненное и ослабевшее от чрезмерного злострадания тело, что ему решительно не по силам уже было состязаться с другими в продолжительных странствованиях по диким и холодным горам. Савва же славный остается там (на Афоне) с имуществом как будто для того, чтобы распорядиться домом, а потом, взяв книги, прийти к отцу, что было по Божественному устроению, как потом будет видно. В это время его стали обуревать противоположные помыслы и он находился в сильном недоумении, ибо когда ему приходила на мысль духовная любовь и приказания отца, тогда лучшим представлялось удаление (с Афона), и он только к одному этому склонялся, когда же, с другой стороны, он принимал во внимание отечество, кружок знакомых и друзей, благорасположение сродников, а прежде всего любовь отца, не только не иссякшую от времени, но еще усилившуюся, отвращался этого и всею душой склонялся к бегству (оттуда), ведущему к душевному благополучию. Ибо какое слово может изъяснить страдания родителей мудрого и ту трагедию, какая произошла у них по его вине благодаря любви к нему! Ибо когда он тайно замышлял еще уйти, как я говорил, от отцовской любви и связанных с нею неразрешимых уз, никого не имея общником этой тайны и никому вообще не подав повода ощутить свое удаление, то и путь совершился согласно его намерению, и ничто, при помощи Божией, не воспрепятствовало решению его, осияваемого светом свыше и неожиданно удачно окончившего свое путешествие. Для родителей же его все было полно мрака и отчаяния, и они не прекращали плача, ибо *отказывалась от утешения душа их* (ср. Пс. 76:3), сказал бы великий Давид, не потому, что они не имели соскорбящих, но скорее потому, что слишком много было сострадавших им и помогавших оплакивать дивного сына, ибо общее было тогда горе у фессалоникийцев, почему и общей радости и веселия они лишились благодаря его потере. И вот они стали исследовать священные храмы, училища (*μουσεῖα*) и монастыри, убежища аскетов и жилища мудрых мужей и всех, на кого он был похож своей жизнью. Но так как он нигде не отыскивался, то отец его вспомнил и о славном Афоне, и о горячей любви его к нему. Поэтому, потеряв всякую надежду на возвращение его, он прекратил розыски и расспросы о нем.

Тоски же о нем и крепкой любви к нему ни он, ни любезнейшая мать его не могли унять, более того, они еще усилились, как я только что сказал, и нисколько не исчезли от времени, тем более что слухи шли о том, что их сын и Богу угоден, и в добродетелях преуспевает и вследствие этого быстро идет к славе. Это не утаилось и от дивного Саввы. Поэтому он был полон раздумья и недоумения, как я сказал, и призывал Единого находящего выход в затруднительных обстоятельствах Господа и от Него просил помощи, чтобы ему окончить путь к Нему, сохранить первоначальную твердость и не отпасть из-за отеческой заповеди от заповеди Господней, охладев в первоначальном завете с Ним и в горячей любви к Нему. И скорый Помощник просящих у Него блага и Творящий *волю боящихся Его* (Пс. 144:19) – так как Он видел тайны сердца его и то, как он окончит (свое дело), если только ему удастся освободиться от всего, – тотчас подает легко и удобно разрешение недоумения без малейшего препятствия, так как стали идти слухи отовсюду, что негодные ахемениды уже приближаются. Ибо, одним духом прибыв в Македонию и овладев, как говорится, добычей¹³⁷ мисий-

¹³⁷ То есть совершенно ограбив ее. – Примеч. пер.

цев, они стали неистовствовать¹³⁸ уже и около Фессалоники, одних безжалостно умерщвляя, а других поработая. Эти слухи, для всех других горестные и тяжелые, для славного Саввы, напротив, были благоприятны и сразу разрешили его недоумения, так как вследствие преграждения дороги в Фессалонику, лучше же сказать, благодаря отсутствию всякого выхода он совершенно освобождался, по силе необходимости, от повеления, данного ему отцом, и становился свободным от препятствия, прославляя премудро Приготовившего чрез этих губителей спасительное, так сказать, лекарство.

¹³⁸ Около 1334 г. См.: *Порфирий (Успенский), еп.* История Афона. Ч. III. Отд. втор. С. 174. – *Примеч. пер.*

15

Что касается последующего, то слово (мое) не решается приступить к нему, будучи в значительной мере слабее его.

Что я говорю (слабее)! Более того, Имеющее быть сказанным или, собственно говоря, само (событие) настолько превосходит всякое слово, насколько то, что будет сказано, ниже того, что было уже сообщено. Если же это ясно для всех и никто этому не противоречит, то, быть может, нам не следует и рассказывать об этом? Однако стремление к (продолжению) начатого рассказа побуждает нас потрудиться сверх силы. И хотя я решился было предпринять двойной труд и обо всех последующих его делах рассказать, и рассказать как следует, тем не менее мне нисколько не было бы стыдно, если бы я не успел в этом, хотя я и добровольно с самого начала решился на то, что (мне) не по силам, и взялся за эту работу, как будто не зная себя и величия дела. Теперь же, когда я имею в намерении только одно, а именно просто рассказать о том, что нам известно о великом, если случится, что за этим и другое¹³⁹ последует, то это будет как бы подарком за рассказ и (следствием) предстательства того, о ком будем рассказывать. Если же и не случится чего-нибудь такого – что потерпеть необходимо, – то это и не важно, я утверждаю только то, о чем и только что сказал выше, (именно) что говорю о бывшем с ним, сколько есть у меня силы, лучше сказать, только о том из этого, что стало известно людям, ибо рассказать обо всем невозможно.

¹³⁹ То есть удачное («как следует») изложение рассказа. – *Примеч. пер.*

16

Итак, освободившись, как я сказал, от необходимости возвращения в отечество и ожидавшихся вследствие этого затруднений и как бы сделавшись полным хозяином над собою, живя, то есть, только для себя и для Бога, ради Которого он сделался мертвым для всего другого, книги и все свое занятие, которому прилежал, согласно отеческим приказаниям, он оставляет где-то там, возле великой Ватопедской¹⁴⁰ лавры, ибо и дивный тот старец был собственно из числа честных ее подвижников, и оба они зависели от нее (#π# #κεῖνην τελο#ντες #σαν), хотя любовь к жизни уединенной и стремление к большим подвижническим трудам и побудили их удалиться от общего собрания и общей жизни, имеющей и нечто как бы расслабляющее и нежащее чувства. Сам же всецело прибегает к Богу и горячо просит помощи свыше и указания, что делать. Итак, предавшись прилежнейшей молитве и напомним со слезами Отцу сирот об отеческом сострадании и милосердии, а также призвав в помощь молитвы отца и как бы на него пристально взирая и вследствие этого и теперь, как раньше, уповая на отеческую помощь, он почувствовал некоторую изнутри идущую радость и Божественное просвещение и как будто кто-то глубоко и тонко из его сердца воззвал: «Если хочешь купить многоценную жемчужину (Мф. 13:46), то повелеваю тебе идти в Иерусалим». И тотчас, повинувшись Повелевшему, – ибо он не сомневался в том, Кто это был, – и положившись на пучину благодати и неизреченного милосердия Его, вступает в пучину морскую и сперва минует соседний Лемнос, потом видит Лесбос, а за ним и Хиос. Но так как он имел в виду и Азию – ибо влекла его туда сильная любовь к Наперснику¹⁴¹, – вступает в прославленный им древле Ефес¹⁴², немного пробыв в нем, как и в других городах, с приличной любителью уединения мудростью и осмотрев остатки древнего благоденствия, какие находились как около священного храма возлюбленного, так и в самом городе и его окрестностях, доставляя взиравшим на них повод к удивлению.

¹⁴⁰ Это один из древнейших, богатейших и обширнейших монастырей Афона. Находится в расстоянии трех часов пути от Карей. См.: «Κηὶη α̅ svate Hoge Athonske» Саввы Хиландарца. С. 21, 281. – *Примеч. пер.*

¹⁴¹ Св. Иоанн Богослов, возлюбленный ученик Христов, возлежащий у Него на персях на Тайной Вечери, оставался до смерти Богоматери в Иерусалиме, а потом вышел на проповедь Евангелия и трудился в Малой Азии. Центром его апостольской деятельности здесь был Ефес. В гонение имп. Домициана (96 г.) он вызван был в Рим и брошен в котел с кипящим маслом, но остался невредимым. Потом сослан был на остров Патмос. Возвращенный оттуда в Ефес, он здесь и скончался около 101 г. по Р. Х. Он написал четвертое Евангелие, три соборных Послания и Апокалипсис. – *Примеч. пер.*

¹⁴² Ефес – один из знаменитейших в древности малоазиатских городов. В христианскую эпоху здесь трудились апостолы Павел и Иоанн Богослов. В 431 г. в Ефесе происходил III Вселенский Собор. Во второй половине IV столетия стал приходить в упадок. В XI в. был завоеван турками-сельджуками, но отбит греками. В 1288 г. турки опять взяли его и перебили всех жителей. В 1391 г. окончательно вошел в состав турецкой империи. – *Примеч. пер.*

17

После же того, минув Патмос и некоторые возле него лежащие острова, он пристает к Кипру¹⁴³ и, выйдя из корабля на остров, тотчас разлучается со своими спутниками, так как имел предпринять новое и высшее природы человеческой дело, как сейчас явит слово. Воздвигнув к Богу руки и душу, никогда не расстававшуюся с Ним, но уязвленную крайней любовью к Нему и как бы бывшую вне себя, он воссылает сначала с великим умилением и слезами молитву, соответствующую предлежащей цели и делам. Потом, совлекаясь всех одежд телесных, даже до покрывавшего тело хитона (хотя он еще раньше *отложил ветхого человека* (Еф. 4:22) и не имел в себе ничего из земной и мертвой материи, но был почти каким-то бесплотным и невещественным еще прежде разрешения), так является на остров (страшное воистину чудо, изумляющее всякую душу, видящую и слышащую о нем!), про-износя (теперь) с гораздо большим основанием и смелостью (чем раньше) известные слова Иова: *наг я вышел из чрева матери моей, наг и возвращусь. Да будет имя Господне благословенно!* (Иов. 1:21). И вот начинает он обходить находящиеся там города и села с непокрытой головой, босой и совершенно обнаженный, для всех чужой, лишенный крова, никому совершенно не известный и незнакомый, не имеющий не только отечества или друзей или каких-нибудь связей с кем бы то ни было, хотя и это в высшей степени тяжело, но даже необходимой для поддержания жизни пищи и вообще чего-нибудь такого, в чем нуждаются люди. Ибо кому и когда приходило на мысль предложить пищу человеку – хотя бы ты указал на самого даже человеколюбивейшего из всех, – не просящему у него ни словом, ни знаком, и если некому за него попросить, а сам он при этом и определенного места жительства не имеет, но то в пустынях и горах и пещерах и убежищах зверей долгое время наедине упражняется в созерцании Бога, то опять в тех или других городах или селах или округах и общественных собраниях на празднествах или базарах является, так что большинству людей иногда кажется, будто он каждый день с места на место переходит, а на самом деле вообще удаляется от людей, не только мыслью и душою от них далеко отстоя, но и тем, что, скитаясь, как я сказал, там и сям, при совершенной своей молчаливости, он и по наружному виду никому не известен, как такой, которого только в первый раз видят?

Итак, как, спрашиваю я, можно получить необходимое для жизни такому человеку, так от всех и во всем удаляющемуся? Ибо все люди, как мы видим, склоняющиеся к состраданию двумя способами: или по личной просьбе просителя подавая по заповеди, ибо *просящему у тебя*, говорит, *дай* (Мф. 5:42), или по просьбе другого при невозможности личной просьбы по причине случившейся болезни, или стыда, или величия бедствия, что хотя кажется равносильным первому, если рассматривать это по отношению к заповеди, однако имеет все-таки и нечто более возвышенное, если, то есть, не будет налицо самого страдальца, который бы мог вызвать душевное сострадание словом или видом у всякого чувствительного душою (человека). Дать же без всякой просьбы со стороны просителя – это уже выше заповеди и вследствие этого велико и многоценно. Ты можешь заметить, что и не в обычае, и неизвестно, чтобы кто-нибудь скрывал (свою) нужду, а я добавлю, что в таком случае нужда может ускользнуть от самых прилежных в человеколюбии, разве укажешь на Авраама, вели-

¹⁴³ Кипр – остров в северо-восточном конце Средиземного моря, между берегами Малой Азии и Сирии. Во всю его длину тянется цепь Олимпийских гор. В древности славился своим плодородием, лесами и рудниками (медными). Родина апостола Варнавы и первый пункт проповеднической деятельности апостола Павла. Во время византийских императоров завоеван арабами, а в 1191 г. английским королем Ричардом Львиное сердце, продавшим его рыцарям-тамплиерам, а потом Иерусалимскому королю Гвидо Лузиньяну. После этого начались стеснения, гонения и преследования латинянами православных киприотов. В 1489 г. Кипр перешел во владение Венецианской республики, а в 1571 г. завоеван турками. – *Примеч. пер.*

кого в патриархах, или Иова, его потомка, из которых первый, сидя на перекрестке, не пропускал никого из проходящих, а у славного Иова пути текли маслом, как он сам говорит, а горы молоком (ср. Иов. 29:6) и двери были открыты для всякого желающего (см. Иов. 31:32), который мог взять все, в чем нуждался. Но так как таких теперь нет, ибо нечасто природа и время производят такие чудеса в нашей жизни, то неимущему без личной или посторонней просьбы необходимо погибнуть от голода, если не протянет невидимо руки Бог, отверзающий ее и исполняющий всякое животное благоволение, дающий пищу скоту и птенцам крановым, призывающим Его (см. Пс. 144:16; 146:9). Он помогал и воину Христову, упражнявшемуся, как я сказал, в молчании, прикидывавшемуся дурачком и удалявшемуся от всякого человека и от всякой вещи, и он удовлетворял потребность природы иногда само собою выросшими из земли травами, когда, удаляясь людей, проводил время наедине в пустынях, — да и то воздержно, через три почти, а иногда через четыре только дня приступая к этой трапезе, — а иногда какими-нибудь остатками, которые ему бросали, по Промыслу Господню, люди, когда он входил с ними в соприкосновение, обходя города и села с предположенною заранее целью и трезвением (*νήφεως*).

Иногда и всю седмицу он проводил без пищи, являя себя мертвым и вообще чуждым для мира и пищей, и ложем, и жилищем, и образом жизни, и правом, и видом. Да, чрезвычайны были подвиги этого великого (человека) и выше всякого слова и сравнения, и даже не могут прийти на мысль человеку, — больше того, рассматривая (жизнь) необычайных и богоподобных мужей, Илии, например, Фесвитянина и Иоанна Крестителя, а также поревновавших их подвигам после благодати, для которых они должны были служить примерами и образцами жизни, я нахожу, что он трудами (своими) в значительной степени превзошел их. Ибо хотя одни из них и были подобны ему по пустынножительству и худому питанию, однако в других родах подвигов, разнообразных и великих, все-таки оказываются уступающими ему, другие же, будучи равны ему в этом, уступают в другом, славно побежденные или силою подвига, или продолжительностью времени, или вообще высотой нового его предприятия. Ибо где он хотя бы на малое время отдыхал от трудов крайнего своего изнурения, без еды и одежды, не имея ни хижины, ни какого-нибудь ложа и не повергаясь ни под деревом каким-нибудь, ни под растением или у дверей каких-нибудь домов или на площадях, как сообщается в рассказах и книгах о великих тех подвижниках! Каким образом нагое человеческое тело преестественно выносило стремительность дождей и зимние выюги, а также пронизывающих бурных ветров, покрытое такой тонкой и нежной кожей, проводящей вследствие этого до самого мозга костей весьма остро ощущение страдания! Каким образом, говорю, он выносил внешнее изнурение и умерщвление плоти, жил и самых членов, а внутри напор крови и страдание от внутреннего природного жара, эти (одно другому) противоположные, говорю, мучения, производящие невыносимое страдание, служащее печальным вестником самой горькой смерти! Когда я при этом подумаю о солнечной жаре летом, нисколько не слабее огня (поядающей) в тех странах, как можно слышать от испытавших, все встречающееся, усматриваю в делах его нечто в высшей степени странное и чуждое и мысли, и природе человеческой. При этом да будет для нас удивительным больше всего то, что он, унаследовав одинаковую с нами природу и ничем вследствие этого от других не отличаясь, подражал с плотью преестественно бесплотным, становясь, по выражению великого Павла, зрелищем миру и Ангелам и людям (см. 1 Кор. 4:9), более того, удивлением и предметом некоторой неизреченной радости для самых Ангелов, видевших (в лице его) нового человека (см. Еф. 4:24), созданного по Богу, а также дивное изменение десницы Всевышнего (см. Пс. 76:11), которое Сам Единородный Сын Божий, воплотившись, произвел в Себе выше всякого слова.

По отношению же к общей природе людей, именно тех, которые не смежили добровольно глаз пред светом Боговедения, он был общей славой, пресветлым венцом похвалы и

разрешением древнего стыда, а также острейшим жалом стремления и любви к Богу, весьма многих горячо побуждавшим и возбуждавшим к этому, хотя и очень немногие следовали ему и при всем том легко и часто отпадали. Что же касается производителя злобы и всего его темного воинства, то для них он являлся предметом невыносимого страха и изумления, так как они видели в нем соблазненного ими раньше человека, ставшего через обман пленником и бесславным, облеченным такою славою, что он не только над ними и противоестественными страстями имел силу, чтобы *наступать на змей и скорпионов и на всю силу вражью* (Лк. 10:19), но и самую природою своей так владел выше природы, что не желал подчиняться ей даже в необходимом, будто какой-нибудь царь или бог¹⁴⁴, одаренный силою Господа, облекшего его и допустившего к участию в славе и обожении. Поэтому и велика была ярость против него разбойника, и сильную он поднял против него бурю внешних искушений, хотя и знал, что напрасно, как говорится¹⁴⁵, газель решается бороться со львом, и сам на себя набрасывая сеть, но, однако, считая оскорбительным для себя казаться ничтожным, в то время как раньше он пользовался постоянным почетом. Но да возвратится опять (наше) слово к цели.

¹⁴⁴ Богом здесь называется прп. Савва, конечно, по той благодати, какую сообщил ему Господь, как в Ветхом Завете богами названы израильтяне (Пс. 81:6; Ин. 10:34). – *Примеч. пер.*

¹⁴⁵ Corpus paroemiographum. II. P. 479, 758.

18

Итак, сняв, как я сказал, последний хитон, славный обходил все города и села киприотов, некоторым худейшим рубищем закрывая нуждающиеся в прикрытии члены тела, прикидываясь как бы дурачком, полный как никто истинной мудрости и говоря в чувстве сердца вместе с великим Павлом: *мы безумны для Христа, а также до нынешнего часа и алчем, и жаждем, и наготуем* (ср. 1 Кор. 4:10–12), и скитаемся, мы как сор для мира, как прах, всеми попираемый доныне. Однако доныне не все считали его просто каким-нибудь дураком или помешанным, но хотя одни и полагали, что это так и на самом деле, обращая внимание только на одну внешность и как бы спотыкаясь о какую-нибудь скалу или *камень соблазна* (Рим. 9:33), однако другим, способным понимать и познавать из видимого то, что не видно, ясно было, что он имеет здравый разум, но скрывает (по апостолу) *в скудельном сосуде* (2 Кор. 4:7) духовное то сокровище. Ибо не как попало и необдуманно мудрый прикидывался дураком, подобно некоторым, которые, не знаю каким образом, обманывали себя, не прикидываясь только дураками, но будучи ими и на самом деле по своим словам и делам, и вместо того, чтобы смеяться над демонами и миром, как говорится у отцов, сами подвергали себя насмешкам, ибо, еще не будучи в состоянии подчинить бессловесное души разуму и не предавшись всецело добру, они, как прежде времени выбежавшие за барьер, низверглись легко в страсти, бесстыдно делая и говоря как бы безумные¹⁴⁶. Не таков великий Савва. Он сперва хорошо уврачевал душевную болезнь воздержанием и смиренномудрием, так что ни одно из чувств ему не препятствовало, и только тогда решился на этот новый бег и борьбу, наложив как бы некоторую узду на уста и таким образом молчанием предостерегая себя от того, чтобы не говорить чего-нибудь неприличного (ибо где было это у него, сделавшего давно душу свою Божиим храмом¹⁴⁷ и постоянно о Божественном размышлявшего и говорившего!) и чтобы как можно лучше скрыть сокровище находившейся (в нем) духовной премудрости и не быть легко узнанным, как дерево от плода, и вследствие этого не лишиться цели благого притворства. Будучи же кроток и приятен видом и взором, задумчив и постоянно погружен в себя, неразвлеченно занимаясь размышлением о высшем, так что, даже часто вращаясь среди толпы, он мог вместе с Давидом говорить: *един есмь аз, дондеже преиду* (Пс. 140:10), имея и тело хотя изнуренное чрезмерным неядением, но нежное и тонкое, ибо этого он скрыть не мог, – у более разумных он был в подозрении, как я сказал, а вследствие этого и в почете. Но да будет благовременным вспомнить кое о чем из этого (периода его жизни) и показать высоту этого мужа из его дел.

¹⁴⁶ Таким образом, высший из подвигов – юродство – требует особенно тщательной предварительной подготовки. – *Примеч. пер.*

¹⁴⁷ *Прυτανείον* – главное правительственное здание в Древней Греции, где горел священный огонь и происходили разные торжественные собрания. – *Примеч. пер.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.